
ЗАВТРА
ЕЖЕМЕСЯЧНИК УТВЕРЖДЕНЦЕВ
1

№ 1

ЗАВТРА

ЕЖЕМЕСЯЧНИК УТВЕРЖДЕНЦЕВ

Париж 7 января 1933

СОДЕРЖАНИЕ:

от редакции

Все расширяющееся объединительное после-революционное движение, названное «утвержденчеством» (по имени его идеологического основоположника и водителя, — журнала «Утверждения») в настоящее время уже захватило значительные слои молодой трудовой эмиграции. Новая читательская среда предъявила и новые требования. Одного журнала, выходящего со сравнительно большими перерывами, многостраничными книгами, оказалось уже недостаточно — ибо при таких условиях «Утверждения» мог рассматривать современность лишь с большой духовно- культурной высоты. Оказался необходимым второй, подсобный орган, ближе соприкасающийся с будничной жизнью, выходящий часто, небольшими тетрадями и отражающий на своих страницах проблемы текущего дня. Таким изданием должно явиться «Завтра».

Вокруг нового журнала собралась утвержденческая молодежь, которая высоко ценит идеологическую работу своих старших товарищей, но сама еще не чувствует себя достаточно подготовленной, чтобы принять ответственное в ней участие.

«Завтра» — орган молодых — для молодых. Но это не значит, что на его страницах не будут печататься пореволюционеры старшего поколения: наоборот, они всегда — желанные гости и ценные наставники.

Зачинатели настоящего журнала хотят создать из него орган, расчитанный на широкий круг читателей, которым, после тяжелого рабочего дня, не всегда доступны отвлеченные научные статьи, но которым ин-

тереснее знать: как-же эти большие и бесспорные идеи должны претворяться в жизнь? Как надо, например, относиться, с пореволюционной точки зрения, к тому или иному событию?

Не претендуя на безошибочность суждений — наоборот, заранее зная, что ошибок будет много — утвержденческая молодежь быть может дерзновенно, но глубоко взволнованно и с чувством величайшей ответственности берется за новое для нее журнальное дело. Она будет только признательна за серьезную и вдумчивую критику ее исканий.

Кто такие утвержденцы?

Утвержденцы — не политическая партия, а политико-идеологическое **объединительное движение,** в котором принимают участие представители **самых различных** по-революционных групп, организаций и направлений.

Ибо утвержденчество в организационном отношении «есть прежде всего стремление к сочетанию и сосредоточению усилий ныне разрозненно-ищущих пореволюционных направлений».

В движение вливаются еще и все те внепартийные русские люди, что ищут **нового** разрешения вечных вопросов, — что потеряли веру в жизненность старых **(до-революционных)** программ — но и не приемлют также кровавые методы **революционные;** те, что стремятся найти свое место в России завтрашнего дня, России **по-революционной.**

Старые политические партии доживают в эмиграции свои последние дни. На великом российском экзамене они провалились — а история, — увы, — не дает переэкзаменовок.

Но на смену старым мыслям идут новые, на смену старым партиям — новые течения. И эти новые здесь перекликаются с новыми настроениями **там,** с теми, что на нашей родине с неумолимостью биологического закона скоро выдвинутся на авансцену русской революции.

В настоящем номере, к сожалению, еще очень мало конкретного. Приходится поневоле начинать с общих положений — главным образом для тех из наших читателей, кто почему-либо еще не ознакомился с «Утверждениями». Мы не можем в ежемесячнике дать сводку трех больших томов — громадного, разностороннего матерьяла.

Тем, кто захочет нас действительно и по настоящему понять мы советуем начать с внимательного ознакомления с «Утверждениями»: книги были в свое время бесплатно разосланы почти по всем библиотекам и прочесть их не составляет особого труда.

Острой постановке вопросов программы и тактики мы решили посвятить **половину** своих номеров — а именно все **четные.** Для того, чтобы дать больше свободы высказываниям — они будут печататься в ограниченном количестве экземпляров, **«на правах рукописи»** и распространяться только в пореволюционных кругах. В этих «закрытых» №№ будут обсуждаться проблемы устроения «нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, на основах христианской правды». **Четные** номера будут также предназначены для широкой самокритики и внутри-пореволюционной полемики.

Выписывать эти четные номера смогут лишь лица или уже включенные в утвержденческую сеть, или примыкающие к одной из местных пореволюционных группировок (через их посредство), — или-же, наконец, могущие сослаться на серьезную рекомендацию в пореволюционном лагере.

Мы полностью разделяем идеологическую систему «Утверждений»: веру в российское мессианское призвание, в освободительную миссию России в мире, в то, что она призвана сказать этому миру **новое слово.** Не будучи узкими догматиками мы ищем нового, **социального** раскрытия христианства; утверждаем первенство духовного начала над матерьяльным, идей над интересами, общего над частным; социально мы обращены прежде всего к трудящимся и эксплоатируемым.

Но принимая идеологическую линию «Ут-

верждений», считая ее **своею** — свои **«тактические рейды»** мы будем производить **за собственный страх и риск.** Из утвержденчества, как построения **синтетического,** можно вывести целый веер различных установок (**как** в свое время и из социалистической доктрины). Исходя из пореволюционной идеологической конструкции — можно провозглашать обращенность к различным социальным образованиям (напр. к рабочим, крестьянам, партийцам, интеллигентам и т. д.), — устанавливать различные тактические схемы (эволюция, переворот, революция), не одинаковые внешне-политические линии (империалистическая, пацифистская, освободительная), — наконец, разные методы проведения в жизнь (бонапартизм, идеократизм, гандизм, неодемократизм и т. д.).

Мы будем искать **наиболее последовательных,** с нашей точки зрения, пореволюционных установок, — исходя из достижений утвержденческой идеологии. В этой области нашими старшими соратниками нам предоставлена свобода исканий, свобода — так высоко ценимая в утвержденческой среде. Наша молодежь не хочет, чтобы ее тянули на аркане в душную атмосферу все уже предрешивших новых партийных сект.

Мы ищем под ценным и опытным руководством; но мы **сами** найдем свой путь.

«Завтра»... На завтрашнем дне сосредоточено все наше внимание. **Его** облик хотим мы разгадать в пророчествах прошлого. Признаки **его** наступления ищем мы в сложном сегодняшнем историческом дне. В нем, в этом **завтра,** — наш порыв, наша цель, наша вера безмерная .

Мы знаем, что с Революцией началось бессознательное, стихийное выпрямление национально - исторических путей нашей страны. Что коммунисты — только слепое орудие исторического замысла. Что страна охвачена созидательным порывом, — вопреки всем трудностям, тупому доктринерству и саботажу ее правящей верхушки.

Мы знаем также, что не коммунистическому правительству справиться с лежащими перед Россией мировыми задачами. Оно, это правительство, — уже стало тормазом Революции. Оно мешает ее духовно-национальному просветлению. Оно ведет Россию в тупик вульгарного, отжившего матерьялизма. Оно не дает молодой, творческой революционной динамике переключиться на новые рельсы. **Помочь** этому переключению будем стремиться **мы.**

Пусть нас мало, пусть мы — только «стрелочники». Стрелочники Истории.

Конечно — ничтожны наши силы по сравнению с вихрем мчащегося, даль разрывающего экспресса. Но **своевременно** и **ответственно** сказанное слово — иногда тотже перевод ж.-д. стрелки; не требуя применения большой **физической** силы — он тем не менее меняет маршрут несущегося поезда...

Мы слабы силами — но сильны верою. Настанет день — и правительство паразитов и саботажников величайшей в мире Национальной Революции будет историей вышвырнуто вон.

. . . .

«Мы готовы помочь Истории...».

НАШ ПУТЬ

Можно ли уважать эгоистов, купающихся **в** болоте собственных переживаний, неспособных и не желающих признавать свой огромный долг перед родиной на пути ее тяжелых исторических испытаний? Вполне ли достойны звания людей те, — кто ставит **выше всего** матерьяльное благо и приобретение (все равно каким способом) возможно большего состояния, чтобы заполнить матерьяльными-же удовольствиями идущую извнутри душевную пустоту и скуку?

Неужели нужно еще доказывать, что **только** собственная личность — этого мало. Что мы должны служить ближнему, на-

шей стране, человечеству. Что тот, в ком нет ощущения этого долга, тот, кто пришел в мир с мыслию о себе, и только о собственном благополучии — социально и духовно-обреченный человек.

Но те, которые стремятся оказать посильную помощь своему отечеству, — те должны внимательно выбирать путь для совершения своего дела. Слишком многие ошибаются, — и не они одни от этого страдают.

Мне кажется, что Истина жизни была нам дана. Путь к свободе, равенству, братству был указан. Но мы деловито суетимся на безвыходных узких тропинках, не видя широкой торной дороги, ведущей прямо к цели. Говорят, что несмотря на то, что эта дорога пряма и коротка, по ней до невозможности трудно итти. Забывают, что каждый шаг вперед по этой дороге неизмеримо больше сокращает путь, чем бесчисленные километры, пройденные по тропинкам без выхода.

Мы, издающие эти страницы, стремимся итти по светлой дороге. То, что мы видим в ее конце — нам дороже всего в жизни. Мы хотим достижения этой Цели в полной чистоте и целостности. Но пока, — *Она* еще только **светит** нам. При ее свете мы видим все уродливые, искаженные пути наших братьев. И этот свет, который сам по себе — энергия, да претворится он в нас в энергию живую, в действенную помощь тем, кто ищет и **не видит** света. Лучи Христианства должны просиять в России и пронизать сумерки человечества; мы ищем каким способом мы сможем отдать на это и свои силы. Мы знаем, что веру нельзя навязать, она приходит сама. Но можно **видеть дела** верящих и **поверить** в их истину. Именно этим путем мы и хотим завоевать доверие. Мы отбрасываем два «пути к блаженству» современного человечества: коммунизм и капитализм. Они враги друг другу, но мы враги им обоим. Мы ищем претворения в жизнь Христовой Истины в Ее незапятнанном виде. Мы ищем в себе силы не ограничиться одним церковным — личным благочестием; христианство очищенное, христианство новое, к человеку и человечеству обращенное, христианство социальное — вот путь сияющий впереди. Смиренно и дерзостно вступаем мы на эту дорогу.

Христианство — наша основа, наш исход и наша цель.

Валентин Андреев.

в порядке обсуждения

Ниже мы перепечатываем программную часть статьи Ю. А. Ширинского-Шихматова «Освобождение», появившейся два года тому назад в первой книге «Утверждений». Автор считает ее значительно устаревшей — но мы полагаем, что статья является и по сие время прекрасной **исходной** установкой для всестороннего обсуждения пореволюционной программы-минимум.

Мы, — те, кого принято считать «идеологическими утопистами» — вполне реалистичны в своих политических требованиях и твердо знаем, что большая ломка в настоящих условиях будет **для страны убийственным ударом**. Эта наша точка зрения была **достаточно** ясно указана в третьей книге «Утверждений»... «придется, разумеется, исходить из нынешнего советского государственного устройства, постепенно и последовательно внося в него поправки **и коррективы, соответствующие нашим основным миросозерцательным установкам»** (стр. 9).

Перепечатывая статью мы расчитываем на то, что наши читатели пришлют в Редакцию свои критические замечания, каковые будут использованы в последующих номерах «Завтра», — однако при непременном условии, что замечания будут сопровождены **конкретными формулировками,** долженствующими, по мнению критиков, заменить собой или дополнить то или иное оспариваемое положение. Мы при этом надеемся, что наши читатели, чтобы внести предложения действительно-**реальные** — захотят пред-

варительно ознакомиться с тем государственным устройством, которое они стремятся изменить; такое ознакомление будет тем более полезно, что в эмиграции сейчас многие охотно о многом судят — но далеко не все знакомы с тем, о чем говорят. Мы хотели-бы, чтобы люди пореволюционного сознания оказались в этом отношении исключением.

Считаем нужным при этом добавить, во избежание всегда возможных кривотолков, что вопрос о «поправках и коррективах» мы ставим совершенно вне зависимости от модной в эмиграции триады — «революция — переворот — эволюция». При **всех** условиях мы полагаем, что предотвращение грубой ломки всего жизненного, что содержится в **советском** строе (а не в коммунистической доктрине) — есть вопрос первостепенной важности и прямого патриотического долга.

«...Вырабатывать сейчас **подробную** политическую программу — занятие и без того в эмиграции слишком распространенное, к тому же — едва ли целесообразное. Однако **общие** линии наших программных утверждений пора уже наметить. Думаю — они сведутся примерно к нижеследующим положениям:

1. Свобода религий.

2. Конфедеративное государство с сильною центральной властью, опирающеюся на систему свободно-избранных советов («Союз Народов Государства Российского»).

3. Элементарные гражданские свободы, независимый суд, равенство всех перед законом.

4. Укрепление экономического самодовления, диктуемого как международной обстановкой, так и географическими особенностями страны. Дальнейшее осуществление индустриализации, увязанной с общей экономической конъюнктурой.

5. Сосуществование государственной и частной промышленности под общим контролем государства (планирование).

6. Признание частно-хозяйственного начала в области трудовой земельной собственности (функциональной); поощрение коллективизации, как формы **добровольной** кооперации; развитие сети крупных государственных хозяйств для нужд экспорта и регулировки внутреннего хлебного рынка.

7. Действительное проведение в жизнь обещанного, но фактически не данного коммунистами социального и рабочего законодательства.

8. Усиление обороноспособности страны.

9. В области внешней политики: всемерное стремление к мирной ликвидации конфликтов; доброжелательное отношение к освобождающимся колониальным народам и эксплоатируемым слоям населения капиталистических стран...».

(«Утверждения» № 1 стр. 38-39).

Некоторыми критиками в этой тактической программе-минимум были усмотрены противоречия между первой и второй половиной отдельных параграфов.

Мы-же, наоброт, склонны приветствовать **эластичность** вышеприведенных положений, указывающих одновременно на **должное** — и на **путь** к нему. **Конфедерация — и, для** закрепления ее, на время переходного периода — путь **сильной** власти. **Индустриализация,** как цель — и **увязка** с экономической конъюнктурой, как путь. Мирная ликвидация конфликтов — как цель — и освобождение угнетенных, как существеннейшая к тому предпосылка, — и т. д.

Читателям, которые откликнутся на наш призыв и примут участие в обсуждении поднятых здесь вопросов — мы еще хотим напомнить следующее место из уже выше цитированной третьей книги «Утверждений» (стр. 7-8):

«...Мы живем в исключительно-динамическую эпоху — и программа, как нечто одновременно мало-подвижное и сниженное, наименее нужна в своем прежнем, дореволюционно-устойчивом смысле. Вот почему теперь жизненно лишь сочетание незыблемой, вечной идеологии — с крайне подвижными, чисто-тактическими и кратковременными программами минимум...».

В заключение мы рады поделиться с чи-

тателями обещанием, полученным от Ю. А. Ширинского-Шихматова — дать в одном из ближайших номеров «Завтра» очередную формулировку пореволюционной программно-тактической установки.

Редакционная Коллегия.

О революции

Еще до сих пор многие склонны рассматривать Революцию, как захват власти шайкой интернациональных бандитов. Захват случайный, произошедший благодаря «измене», «жидам» и «левым». По мнению этих многих, революции, собственно, и не было — все лишь недоразумение, темнота народа и ловкость разбойников. Другие говорят: «да — увы — революция произошла, Россия погибла, России больше нет и не будет. Все, что от России осталось — это полковой значок, висящий в квартире ротмистра NN в Париже». На этих суждениях останавливаться не стоит: это мнение — пусть стилизованное — давно духовно умерших людей, для которых Россия лишь форма: с разрушением «прежней России» для них уничтожилась и сама Россия. Третьи на парижских собраниях покрикивают о необходимости новой «Национальной» Революции. Люди эти не заметили, что Русская Революция (нравится ли это им или нет) — но по характеру своему, по размаху, по скрытым еще пока от многих современников конечным своим целям — с первых дней уже была национальна. Не к новой революции нужно стремиться, — необходимо углубить национализацию революции нынешней, уже давно ставшей на защиту национальных интересов России, часто вопреки воле ее внешних руководителей. Ошибочно думать, что Революция началась с Октября (еще того менее — с Февраля) и кончилась крушением «Белого Движения»: истоки Революции нужно искать за двести с лишним лет назад. А продолжается она и по сей день. И не коммунистами кончится. Революция — это эпоха заострения сознания. Она выдвигает новые требования, новые идеи, новые проблемы в предельно-концентрированном виде, и требует немедленного (и от того часто скороспелого) их разрешения. Сфера революции есть сфера молодежи, молодых сил, нетерпеливых и страстных, не останавливающихся перед невозможным и не боящихся ошибок. Ее поле действий — рушащийся прежний правящий слой и выбивающийся из под его обломков — слой новый. В настоящую минуту, благодаря наличности всех этих данных, Россия находится в состоянии Революции и будет в нем пребывать, пока вопросы, выдвинутые русской историей и поставленные Октябрем не найдут своего разрешения.

Русскую Революцию нельзя рассматривать, как явление местное, касающееся только России: это революция вселенская и проблематика ее — всемирная. Характерна ее всеземная устремленность — «мировой пожар раздуем». — Это не только кризис сознания русского, но и кризис сознания мирового. Европа давно уже забрела в тупик матерьялизма и бездуховности, и под ее влиянием и другие народы попадают в тот же тупик. Именно русский народ, по своей молодости и порывистости, первый произвел попытку пробить вставшую перед ним стену и вырваться на свежий воздух. Сейчас он еще не вырвался — он только вырывается, ослепленный пылью, поднявшейся столбом над рухнувшей стеной, оглушенный грохотом ее падения. Теперь очередь за другими народами: или пробить и у себя брешь — или погибнуть: история не может останавливаться, остановка равносильна смерти.

Не даром, не как анекдот привел я в начале этой заметки образцы «воззрений» на Революцию. К сожалению, такие суждения приходится слишком часто слышать в эмигрантской среде. Это доказывает непонимание или незнание русской истории и полную оторванность от русского народного со-

знания. Типично, что суждения эти исходят из среды или чисто реакционной, т.-е. абсолютно некультурной (ибо первое условие культуры есть свобода), или-же из среды «интелигентской», представительницы европейской цивилизации, абсолютно чуждой России. Будто эти люди 50 лет тому назад погрузились в летаргический сон, и, только что проснувшись, продолжают прерванный разговор, не зная еще, что произошло за проспанное время. Круги реакционные народом русским не интересовались никогда. Интеллигенция интересовалась им по-своему, придумывала даже «народные» доктрины, не замечая, насколько она чужда живому, подлинному народу. Борясь с правительством, интеллигенция считала, что народ — с нею, не замечая, что он живет своей особой жизнью и что ему не нужна чуждая, навязываемая ему под видом культуры, цивилизация.

Русскую Революцию можно понять только поняв всю жизнь русского народа — его историю, его душу — его культуру. Но народ нельзя рассматривать, как некую сумму живущих теперь русских людей, народ это: жившие, живущие и те, что еще будут жить. Культура российская — это весь духовный опыт народа в его целом. С этой точки зрения факты масштаба Революции перестают быть «неожиданностью» или «недоразумением», и бесцельный вопрос **почему,** естественно, заменяется творческим **для чего.**

Революция происходит тогда, когда «линия жизни» народа искусственно и болезненно искривлена. Подсознательно чувствуя себя на ложном пути, народ «выпрямляется» — и эта его реакция должна быть соразмерна отклонению, ее породившему. Искривление «линии жизни» российского народа началось, собственно, с Петра. Западная цивилизация, введенная им в качестве «прививки» к основной (русской) культуре, была получена из Европы в уже больном, уже дегенерировавшем виде, а его наследниками она воспринималась, как единственно-истинная, как культура «с большой буквы». Она и насаждалась в течении двух веков в ущерб подлинной культуре русской. Интеллигенция, ставшая на защиту народа против правительства, сама воспиталась на этой цивилизации (выродившейся культуре) еще в большей степени, нежели дворянская верхушка правящего класса, и благодаря этому была, как и она, если не больше, — чужда народу. Два века продолжалось расхождение между народом и высшим слоем, к каковому в равной степени надлежало причислить и дворянство, и бюрократию, и буржуазию, и интеллигенцию. История подготовки революционного взрыва (в материальном плане) не столько история нарастания народного сознания, сколько **история разложения правящего слоя,** в котором постепенно слабели и распадались социальные связи. Восстание декабристов было первым сигналом; с него началось.

Характерно, что в отличие от других народов, в России революции прежде производились сверху: Иван Грозный, Петр Великий, Александр II. Но в 1917 году революция сверху оказалась немыслимой в силу ставшего уже **полным** непонимания правительством народа. Революция «пошла» снизу. Нарыв, назревавший два века прорвался и затопил гноем страну; **но с выходом гноя организм стал очищаться.**

Мы видим из этого, что революция подготовлялась в течении долгих лет, что она явилась исторической неизбежностью. Отвергать ее, не отвергая русского народа, его путей и его предназначения — мы не можем. Приветствовать такое явление, не имеющее себе примеров в мировой истории по своим зверствам и ужасам, мы, конечно, также не можем; мы должны просто признать, что свершившееся свершилось.

Задача наша сейчас — не пытаться раздавить Революцию, но использовать ее размах и динамику для национальных достижений. Иначе говоря — «национализировать» революцию, помочь просветлению буйной ее стихии.

Для нас ясно, что эта Революция имеет конечною целью выпрямление искривленной линии нашей истории. Но искривление это продолжалось века, и не мог Октябрь одним махом попасть на верные рельсы. Произошло новое искривление, количественно по-

чти соразмерное предыдущему, но в диаметрально противоположную сторону. И еще не мало лет может быть понадобится для исправления этого нового, неизбежного зигзага.

В Революции, если всмотреться, мы видим Российскую Идею, как на берегу озера — в опрокинутом отображении: те же задания, но с переменой знака. Вселенскость в форме интернационала. Соборность — в облике коллективизма. Веру — ибо коммунизма есть вера — но в «бога Машину». Жажда блага всемирного. Защиту угнетенных всей земли. Наконец, и самое характерное: сознание **исторической миссии, — миссионизм.** И как не сопоставить его с извечным российским мессианским сознанием; — ведь в нем так и звучит песнь о том, что Россия явит миру новую правду, создаст идеальную форму жизни, станет светочем и руководителем всех народов. Сознание это, замершее двести лет назад под наносным песком чуждой цивилизации, с необычайной силой воспрянуло в самой толще народа теперь, хотя и в искаженном, «негативном» виде.

Россия переживает сейчас кризис болезни, долгой и мучительной, продолжавшейся двести с лишним лет. Коммунизм — не новый мир: это последняя борьба старой болезни с нарастающими новыми силами; отсюда искривления и зигзаги «температуры» в жизни народа, уродливые формы коллективизма и механического матерьялизма. Неужели мы окажемся настолько слепы, что не поймем этой болезни, — а видя лишь ее теперешние формы, постараемся убить самого больного, уже ставшего на путь излечения? Неужели мы будем столь маловерны, что, смущенные ужасом настоящего, проклянем русский народ, разуверившись в его духе и в его извечных, Богом отмеченных путях? Теперь, когда бесчисленными страданиями Россия добивается правды (пускай еще не осознанной, или пока осознанной неправильно) — нам-ли, «забортному грузу» — пытаться дать крен ее историческому кораблю? Нет, мы должны по мере сил своих стараться направить революцию в ее истинное русло, мы не можем отказываться от нее, отказываться от народа, который мудрее нас, ибо за ним века опыта и страдания, и он более чем кто либо чует, где правда. Перед народом и во имя народа — мы должны воздвигнут (ныне еще незримый для него) стяг нашей мессианской Исторической Идеи.

Принимая Революцию и глядя **дальше** ее, видя новые горизонты, раскрывающиеся перед Россией, мы тем самым с Россией себя связываем, — с извечной и неумирающей Россией, не с Империей Российской вчерашнего дня, не с СССР дня сегодняшнего, но с Россией перед Лицом Божьим, стоящей над временем и выше всего временного.

У многих естественно должен возникнуть вопрос: — хорошо, наша задача — содействовать национализации революции, ускорить эту национализацию. Но как? Что надо для этого делать здесь, в эмиграции? Или надо ехать в Россию и там включаться в процесс?

Прежде всего — мы должны твердо знать, чего именно **не надо делать:** не мечтать об интервенции, не призывать к актам саботажа и вредительства, не ставить знака равенства между Россией и комвластью, между коммунизмом и Революцией. Не возвращаться легально в Россию, ибо там придется или отказаться от себя, от всего самого ценного и заветного — или молчать; ибо Слово наше еще не выковано.

Не менее ясно то, что нам **надо** делать. Прежде всего понять совершающееся в России, всю его «не случайность», всю его историческую предначертанность.

Для этого: 1) Заняться прежде всего повышением собственной квалификации, собственной культурности, политической грамотности. 2) Внимательно следить за всем тем, что творится в России; читать советскую литературу, газеты, журналы. 3) Единственное, — но может быть и самое важное, что мы должны дать России — это **по-новому осознанную ее Вечную Историческую Идею.** Там люди идут ощупью, инстинктом, говорят не те слова, **моятся** чу-

жим богам; идут бессознательно и потому ошибаются, попадают в ямы и тупики. **Мы должны блоковским «Двенадцати» показать ведущего их Христа.** 4) Для этого работа наших передовых пореволюционных мыслителей и ученых должна вестись не дезорганизованно, как теперь — а **концентрически и планово.** В эмиграции имеется для этого полная возможность: надпартийный, объединительный журнал «Утверждения». Пора прекратить все еще существующее растаскивание Идеи по частям, в свои партийные будки, для обращения ее изуродованных частей на потребу отдельным течениям. Надо, наконец, понять свой долг и великую ответственность перед Россией. 5) После того, как пореволюционная идеология («Российская Историческая Идея в ее проэкции на современность») будет наконец оформлена и четко выражена — наши молодые кадры смогут тронуться в последний и великий путь: через границы, на борьбу — за душу России.

Л. Савинков.

пятилетка

Вся эмигрантская пресса переполнена статьями и сообщениями о «провале» пятилетки. Об этом же толкуют, кричат и кипятятся многочисленные эмигрантские собрания.

Грустное и тяжелое зрелище. Эмигрантское общественное мнение до сих пор (который уже год?) не может вырваться из плена своей эмоциональной стихии. Попрежнему эмоция заслоняет разум и сердце. Понимание действительности и лицезрение истины подчиняются все тем же личным, болезненным чувствам: бессильной злобе и ущербленному самолюбию, партийному или профессиональному.

Вот почему мучительные процессы тягостных усилий и напряжений великой страны, строящей закорузлыми руками фундамент своего счастья и независимости, сопровождаются здесь едва ли не гиканьем и улюлюканьем «торжествующего врага». Не тревога и не беспокойство за неудачи и затруднения, испытываемые **Россией,** а злорадство и самодовольство за «провал» и «банкротство». Таков лейт-мотив эмигрантского настроения.

Критикуя пятилетку, эмиграция не видит России за коммунистами, за этим смертельным своим врагом. Она не видит, что пятилетка есть **не только** доктринерский план и правительственная авантюра.

Если бы творческие замыслы о создании экономической независимости Родины не охватывали **миллионной** массы населения, при этом населения наиболее активного, жизнеспособного и молодого, то можно было бы не связывать пятилетки с Россией, а считать ее навязанным ярмом со стороны политической власти. Но ведь это не так — пятилетка есть некая органическая часть культурной жизни всей страны. За пятилетку ответственен весь русский народ в целом и особенно в лице его ведущего слоя, каковой простирается **далеко за пределы** власти правительства и коммунистической партии. Говорить о том, что культурная жизнь Советской России за данный период времени «не удалась» и «провалилась» столь же трудно, как и говорить о мировом экономическом кризисе с точки зрения выполнения имевшихся до этого кризиса надежд рвачей капитализма и империалистических вожделений отдельных держав. Эта аналогия тем более уместна, что главные причины, кстати эмиграцией тщательно замалчиваемые, экономической депрессии в России являются, с одной стороны,—неблагоприятная конъюнктура мирового хозяйства, а с другой — низкий урожай двух последних лет. Говоря о «крахе» пятилетнего плана критики рассуждают примерно так: взялись люди в 5 лет построить 10 домов — а в итоге в 4 года построили только 8; значит — провал плана!.. Хорошо, пусть частичный провал плана (мы, по-революционники, еще 2 года назад говорили, что, собственно, не

имеет особого значения, будет-ли план индустриализации проведен в действительности в 5 или 7 лет) — но ведь первые «8»-то домов — выстроены? Отчего-же весь крик сосредоточен на 2-х недостроенных — а не на 8 построенных?

Эмигрантская критика вызывает возмущение и протест не столько своей аргументацией, сколько тем **настроением,** которым она проникнута. Не чувствуется благородства в этой критике, а одно лишь личное и больное. Ушибленность большевизмом и неспособность выйти за круг личных переживаний — вот печальный диагноз эмигрантской немощи.

Когда наши солдаты и офицеры сидели в окопах и, в лучшей своей части, сознательно утверждали в себе лозунг борьбы до победного конца, — приходило-ли в голову какому либо безумцу, что расход снарядов под Перемышлем, например, **не рентабелен,** подрывает хозяйственное благополучие страны, вызывает голод, и т. д.? Разве лозунг «пятилетка в четыре года» не есть тотже все лозунг «войны до победного конца»? И разве «безрассудные» жертвы пятилетки людьми и народным благосостоянием, не суть все те-же жертвы живою силою и снарядами, кои так обильно расходовались на войне? Пятилетка — война и как всякая война имеет свое особое хозяйство, свой особый баланс потерь и завоеваний, свою особую логику и мораль. Ни экономистам, ни публицистам эти мудрости военной науки не понятны. И разве Днепрострой, Магнитогорск и Турксиб не суть именно завоеванные крепости и форпосты, которые должны служить опорными пунктами для дальнейшего наступления русской революции на силы старого мира?.. И если завоевания эти стоили огромных жертв, то русскому человеку, чей пульс бьется вместе с растущей, становящейся Россией, не остается-ли только почтительно склонить свою голову перед этими жертвами? А если завоеванным форпостам российского величия и русского героизма грозит опасность, то не **пораженчеством**-ли должно назвать всякое злорадство по поводу военных затруднений русского наступления?

И когда-же это русские зарубежные люди поймут и почувствуют, что проблема «мы и они», никогда не выведет эмиграцию из безисходного тупика? Пусть попрежнему разделяют внутренние разногласия, но пусть умолкнут и вражда, и разногласие там, где начинается **большая** политика, где Россия выходит на мировую арену, где противостоит она врагам русской исторической идеи. Неужели не ясно, что наш народ (каков он есть, вместе со своими большевиками, со Стенькой и Иоанном, с Петром и Лениным) волею судеб оказался сейчас в центре мировой истории? Он стал на путь дерзновенного своего исторического призвания: он почувствовал себя правомочным разрешить судьбу всего человечества путем страшного и кровавого, но и бескорыстного служения этому человечеству, — и принес ему в дар свое национальное величие, свое имя, свою славу и свое матерьяльное благополучие.

Мы, сыны России, каково бы ни было сейчас наше политическое credo, должны быть внутренно с нею, а не вне ее, не отрезанным ломтем, не изгнанниками, а частью ее самой, ее авангардом, проводником ее воли на мировой арене.

Что это значит? Это значит, что мы, как часть целого, несем в себе ту же идею, что и сама Россия... Но если там диалектика истории преломляет эту идею, как коммунизм, то здесь, в преемственной связи со всем русским прошлым, негативная стихия русской революции сияет уже своими позитивными лучами надежды и предощущения новых форм жизни.

Такова должна быть роль нынешней эмиграции: быть фотографом, проявляющим пластинку русской истории, чтобы выявить негатив революции и **позитив пореволюционности.** Этим проявителем должна быть русская традиция, носительницей которой ощущается себя почти вся эмиграция.Но этого мало. Нужен еще закрепитель, фиксаж. Таким фиксажем да будет «социальное покаяние»: эмиграция должна понять, что в истории ничего не совершается случайно; что все то, что осуществляется сегодня, — существовало вчера, как его сегодняшнее

становление. Разложите большевизм на его составные элементы — все они существовали в потенции в предыдущих поколениях; они медленно созревали и взлелеяны всеми социальными слоями общества. Что посеяли, то и пожали. Большевизм — продукт коллективного творчества всех слоев всего русского народа. Поэтому те из русских, которые обрушиваются на большевизм **со стороны,** как на нечто чужое и постороннее им, глубоко ошибаются. Это не чуждое им, а **свое собственное.** Большевики для них не «они», а «мы», — и большевизм есть их собственная беда, их собственное несчастие, их собственное преступление, за которое несет ответственность сам русский народ в целом перед собой, перед историей, перед Богом.

Нельзя отрекаться от России **какова бы она ни была.** Тот, кто духом своим включен в **уходящую** Россию, тот исторический труп, музейный экспонат. Тот, кто духом своим приобщен к **становящейся** России, тот жив, тот будет в России и Россия будет с ним всегда и во всем.

М. Артемьев.

РОССИИ НУЖНА ПЕРЕДЫШКА [1]

Вот скоро месяц, как я в Литве — и все еще не могу привыкнуть никак к воздуху эмиграции! Здесь люди как будто с луны свалились, потому что они совсем Россию не чувствуют и не понимают.

Что сказать об СССР нашем? Сейчас очень тяжело. Сколько мы вложили в свое новое строительство веры, доверия, сил и энтузиазма! Сколько погибло нашей молодежи — первейших геройских ударников — в шахтах Донбасса! Разве мы отмеривали свою кровь за мощь, обстройку и будущее великой России?

Но сейчас уже перетянули. Надо хомут поотпустить и дать отдохнуть. Иначе все лопнет — и в морях крови погибнет не только наша Революция — погибнет и родина-Россия. Разве слепые, голодные и обиженные массы пожалеют какой-нибудь наш Магнитогорск больше, чем прежнюю помещичью усадьбу? Все может запылать!

И всему один виновник: Сталин, главный головотяп. Да еще ему помощник: подголовотяп Каганович. А те, кто — честные, кто предупреждал — где они? Лучше и не спрашивать. Уж течет от новых врагов крозь рабоче-крестьянская...

Ужасный может быть срыв России. Так вот — чтобы она не дала себя завоевать жадным иностранцам, чтобы не надели на нее снова цепи железные, чтоб она сама себя с горя не побила — надо по всем заводам, по шахтам, по колхозам — доказывать, убеждать, требовать:

— **России нужна передышка!!**

Дайте помыться, заштопать штаны, отоспаться, перекусить! А то лучшие надорвутся — что тогда понастроит шпана? Мы хотим и будем строить свою Россию, мы покажем всему миру, каков путь к светлому счастью! Может и впрямь Христос ее ведет. Но и мы-то не отстанем!

«Вожди» нам все уши прозвенели — мы есть железная фаланга, бьющая молотом истории по наковальне будущих веков. Это еще так Бабель написал. Верно, что железная. Однако и железу нужен присмотр — как-бы отдых: смазка. А то сотрется.

Хлебище дайте жрать ржаной — Маяковский-то почище Бабеля выразился. Такой лозунг не есть сдача на милость мировой буржуазии и не ход назад. Назад в пропасть нас тянут Сталин с Кагановичем и другие. Мы хотим отдохнуть — и **вперед!** На строительство! По зову нашей Великой Национальной Революции!

Но это «вперед» возможно только **завтра.** А сегодня — России нужна передышка!..

Донской.

---

[1]) Эта статья-письмо написана бывшим комсомольцем, деятелем так называемой «правой оппозиции». Под угрозой ареста он перешел границу. Помещаем этот интересный матерьял в порядке информации.

ОТ СЛОВ К ДЕЛУ

Революции не «устраиваются» — они «происходят», когда **процесс назревания** вызывающей их духовно-исторической конъюнктуры достигает своего максимального развития. Нельзя «создать» массовый процесс: но можно для своей идеи **использовать процесс,** стихийно происходящий: то, что сделала в 17-м году группа большевиков. Успех или неуспех такого использования зависит прежде всего от того, каков **характер** происходящего стихийного (органического) процесса: творческий или разрушительный; ибо творческий процесс извергнет разрушительную идею — и творческая идея не найдет почвы в разрушительном процессе.

В истории редко бывают процессы чисто-творческие или чисто разрушительные. Обычно каждый распадается на две стадии: первую — разрушительную, и вторую — созидательную.

Первый период нашей революции (разрушительный) видимо завершается; этому завершению соответствуют сумерки коммунистической идеи, под знаком которой произошел развал старого мира. Сейчас мы видим, как идея находится на переломе: от марксизма к ленинизму, от ленинизма к сталинизму (какой еще «изм» впереди??), причем три четверти ее содержания рассыпалось и затерялось по дороге. То-же и в жизни: разрушение, конечно, еще продолжается — но одновременно, под ним, под обломками начинает простать и новая жизнь (строительство). Где-то, очень недалеко — второй этап, — конструктивный. Наша Идея — **Идея творческая;** созидательный, творческий процесс ей **по пути.** Да к тому-же она ведь не пасынок, не подкидыш на духовных путях нашей страны: недаром в мессианизм России верили все наши крупнейшие мыслители и провидцы.

История работает на нас. Наша Идея — Идея России завтрашнего дня. Но как воплотить идею в жизнь? Не путем-же овладения эмиграцией? Ведь вопрос будет решаться **не здесь, а там!**

Можем-ли мы, молодые пореволюционные эмигранты, перебросить свою пропаганду в Россию? Конечно, в настоящих условиях — еще нет. Наша идеология только складывается, у нас еще мало людей, совсем мало денежных средств. При таких условиях мы не можем, даже в мечте, намечать свою тактику на **всю** Россию. Никакая нелегальная литература в нужных количествах туда не дойдет. Надо **выбрать** определенный социальный слой, — сосредоточить «идеологическую бомбардировку» на четко-ограниченной социально-политической территории — притом отдавая себя ясный отчет, что мы не найдем отклика в среде консервативной, пассивной и морально подавленной (например, крестьянство); такой «территорией» может быть только **актив нации,** выдвинутый стихийным процессом революции. Мы не оппортунисты, но мы должны искать **именно активные** элементы, так как наша Идея — максимально-активна (еще-бы — идея российского мессианизма!) и динамична, — она **предельно-революционна** — или, может быть, даже за-предельно революционна (так как по-революционна); в аморфной среде наш голос никак не прозвучит.

Выбор свой мы сделали. И ставим вопрос так: **как овладеть душами советской учащейся молодежи** — кадрами новой, нарождающейся интеллектуальной верхушки нашей страны? Как помочь ей сознательно творить то великое будущее России и человечества, которое она сейчас, в лице комсомольцев, ударников, выдвиженцев — творит бессознательно, с громадной и нелепой тратой сил, энергии, крови, человеческих жизней, народного благосостояния? Ибо именно в овладении этой молодежью, в **просветлении ее динамики** национально-исторической Идеей — вся проблема ускорения национализации Революции...

Ясно, что ответ на поставленный вопрос выдвигает на первый план другую проблему: **проблему наших кадров.** Мы — застрельщики. Авангард. Передовой дозор. **Где,** из

кого пополним мы в эмиграции свои ряды — ряды тех, кто понесет в Россию новое слово освобождения? Конечно —

«дерзновенны наши речи»...

Мы и сами знаем, что

...«на смерть осуждены
слишком ранние предтечи
слишком медленной весны»...

Но ведь эти соображения никогда не останавливали русскую молодежь...

Ибо в ней одной среди эмигрантов еще мог-бы пробудиться жертвенный порыв...

Но мы знаем, что из ее среды **нас услышат немногие.** Те, чья душевная (и духовная) «антенна» способна уловить в хаосе современности трагический ритм истории. Этой малой фаланге молодежи не надо «доказывать»: она сразу откликается, и даже не на аргументы, а на одни **утверждения**. Она уже сама, интуитивно, — дозрела. Она чувствует крушение старого мира. Видит его неправду. Она слышит зов грядущего дня.

В эмиграции таких мало. Очень мало. И мы зовем именно их сплотиться и итти с нами — для совместного искания новых путей.

Каковы эти пути? Как ускорить нам осознание и оформление нового, пореволюционного мировоззрения? Как найти общий язык с нашими братьями в России? Сегодня еще братьями по плоти, — завтра — по духу?

Я ставлю этот вопрос нашим молодым, разбросанным судьбой по лицу земли: молодым эмигрантам. Пусть задумаются они над ним. Пусть отзовутся — статьей, заметкой, письмом.

Все ценное — целиком или в выборках — будет напечатано. Мы рады будем вступить в переписку и с не-единомышленниками — ибо привыкли внимательно и непредвзято вникать во всякое искреннее и обоснованное суждение.

Но мы ждем от пореволюционной молодежи прежде всего попыток **точного анализа** положения, четких формулировок наших задач. **Реальных и конкретных** предложений.

От слов пора перейти к **делу.**

А. Ярмидзе.

воскрешение троцкого

На первый взгляд: что особенного в поездке Троцкого в Копенгаген? — Социал-демократические студенты пригласили его прочесть лекцию. Отставной «вождь» обрадовался случаю проветриться. Собрал чемоданы, друзей, жену — поехал... Но все-таки: совершают-ли для одной лекции, хотя бы и за счет богатых социал-демократов, путешествие вокруг всей Европы, такое сложное и дорогое? Месячное содержание целой семьи, ее охраны, специальные каюты и купе, отдельные паровозы, моторные лодки, автомобили. Что то необычное!.. Вдумайтесь дальше в те исключительные предосторожности, какими оказалась обставленной эта поездка. Неужели дело только в том, что этот «профессиональный революционер», «организатор Октября», предреввоенсовета и пр., и пр., на деле труслив, как курица? Я читал в газетах отзыв одного из сопровождавших его полицейских агентов: «в жизни моей не видал ничего более трусливого». Я не склонен особенно брать под защиту личное мужество Троцкого. Но и только курицей я его не считаю. Правда, меры охраны своей особы он принимал всегда исключительные — как никто в Советской России. Помню: когда он был назначен Наркомпутем, то велел в Запасном дворце, где помещалось путейское ведомство, пробить особый ход с улицы прямо в свой кабинет, чтобы входить и выходить незаметно. То же было и в Реввоенсовете. Любопытно, что когда потом Наркомпутем стал Дзержинский — человек, имевший не меньше, а, пожалуй, больше оснований бояться за свою жизнь, — он велел эту дверь заколотить, ходил там, где все, по самым

людным коридорам. И все таки мне думается, что исключительная осторожность Троцкого всегда вызывалась у него не столько личной трусостью, сколько повышенным представлением о своем значении для мировых судеб. Надо только вспомнить: описывая как-то, как он попал в действительно опасное положение на фронте — один раз за всю гражданскую войну, — Троцкий писал: «так чуть не погибла Революция». Для него революция и его персона — одно и то-же. То-же представление, несомненно, у него и сейчас. Но дело не в его личных представлениях. Дело в том, что сегодня неменьшим сознанием ценности его персоны для какого-то дела оказались проникнутыми и люди, организовавшие его поездку. И если предосторожности самого Троцкого заключались сейчас в нахлобученной до подбородка шляпе, в погашенных огнях купе, в разговоре шепотом, в револьверах под подушкой и пр., — то предосторожности инициаторов его поездки гораздо значительнее: тут и полицейские кордоны, и подача специальных поездов, и допущение на его лекцию только «самых испытанных» социал-демократов — и то лишь по проверке паспортов и прочих документов; тройная проверка входных билетов, наглухо запертые все время лекции двери зала, тщательная конспирация и охрана его местожительства в Копенгагене. Все это, согласитесь, возможно лишь в том случае, если не сам только Троцкий, но какие то серьезные и влиятельные силы имеют основания придавать исключительное значение ему и его поездке. А это говорит, что его поездка вовсе не имела целью какую то лекцию — и что за ней стоял не только какой то союз датских социал-демократических студентов, но еще и гораздо более значительные лица и организации. Кто же?..

Поставим другие вопросы: что происходит сейчас в России? в ее правящих кругах? где Сталин? что с ним? почему он молчит? почему его видят только **издали?** почему он разговаривает с «массами» только **письменно?**

Еще: нет ли оснований думать, что Сталина — во всяком случае, прежнего, с прежними физическими силами и физическим влиянием — уже нет или почти нет? не стоит ли в связи именно с этим внезапная и странная смерть его жены, Аллилуевой?

Мы не имеем сейчас точного ответа на все эти вопросы. Но мы все таки можем с большой вероятностью предположить, что на советских верхах идет сейчас глухая, для стороннего глаза почти скрытая, но самая напряженная и жестокая борьба за то, кому быть наследником Сталина: каким людям, какой политике. И, может быть, люди важнее сейчас политики.

Грубо очерчивая, можно различить две основные борющиеся сейчас группировки: те, кого я обычно называю «русские сталинцы», если хотите, просто русские (и компартии, и государственного аппарата), — и те, кого я, по имени их нынешнего объединителя, называю «кагановичи».

Русские верхи опираются и могут опираться только на внутри-русские силы: на народную массу с ее все более резко окрашивающимися в националистические тона настроениями.

«Кагановичи» могут расчитывать на победу лишь при поддержке извне.

Что такое поддержка извне? Это — поддержка всех мировых противонациональных сил, включая сюда и часть интернациональных капиталистических кругов — и социал-демократию. На почве какой платформы, за счет каких жертв русскими национальными интересами договариваются (или уже договорились?) с этими силами кагановичи, этого мы еще знать не можем. Но цель сговора ясна: создание единого противонационального фронта против осмелившегося по всему миру поднять голову национализма народов. В Европе — это прежде всего единый фронт против Хитлера и его движения в Германии, против аналогичных движений в других странах. В России — утверждение у власти кагановичей, разгром всего противостоящего им, использование физической силы русских народных масс и создаваемых ими материальных рессурсов

против национально-освободительного движения других стран.

Повидимому, иностранные союзники Кагановича — да может быть и его внутри-русские союзники — считают его самого недостаточно сильным и авторитетным для руководства «решающими боями» и во внутри-русском и, тем более, в международном масштабе. Нужна более сильная, более опытная рука — особенно для заграничной работы. Кто же иной, как не Троцкий!? Не отсюда-ли — воскрешение Троцкого? Не отсюда-ли — его копенгагенская поездка?

«Революция — это искусство», говорит Троцкий. Его и пригласили, как мастера искусства революции. Не он-ли должен — посредственно или непосредственно — помочь разгромить русские силы в России? Не он-ли должен подтолкнуть, направить по правильному руслу подготовку коммунистической революции в Германии? Затем, может быть, и в каких либо иных странах. Вот почему те же самые социал-демократы, которые несколько лет назад, стоя у власти в Германии, отказали Троцкому в визе, — теперь провезли его, не останавливаясь перед трудностями и затратами, по всей Европе: для совещания с ним соответствующих людей, для выяснения его условий, наконец, для оценки его нынешних сил. Ведь легко может статься, что «мастер революции» выдохся — и ни на что уже негоден...

Будущее покажет, удались-ли копенгагенские смотрины, подошел ли Троцкий для предназначаемой ему роли военного вождя объединенных сил интернационального марксизма. Настоящее-же (самим фактом этого «странного путешествия») говорит за то, что кагановичи и России и всего мира, повидимому, уже переходят в решительное наступление.

С. Дмитриевский.

„независимая" манчжурия

Итак, Манчжурия объявлена независимым государством. Ввоз из Китая облагается пошлиной, передвижение из Китая или в Китай затруднено, организация почтово-телеграфного сообщения и управление железными дорогами находятся в японских руках, изменена денежная единица и т. д. Неизменным остается только язык, попрежнему китайский, так как на нем только и изъясняется тридцатимиллионное китайское население Манчжурии (манчжурский язык, как известно, уже мертвый язык). Новым «независимым» государством номинально управляет несчастный отпрыск последней китайской династии, действительная же власть принадлежит японскому «полномочному послу», т.-е. в сущности военному генерал-губернатору, опирающемуся на многочисленные японские войска.

Трудно было бы намеренно придумать положение, которое больше компрометтировало-бы идею не только Лиги Наций, но и любых международных соглашений и договоров, которое настолько не оставляло бы камня на камне и от Вашингтонского соглашения девяти держав, и от пакта Келлога, и просто от элементарных положений международного права, — как все то, что проделано Японией в Манчжурии среди бела дня, на глазах у всего, т. н. «культурного человечества». Тем не менее это так. Посмотрим, что же за реальные выгоды дало подобное положение Японии?

Прежде всего может казаться, что Япония приобрела возможность углубленной эксплоатации Манчжурии, как рынка для ввоза. Дешевые китайские фабрикаты из Шандуньского полуострова и из Шанхая теперь облагаются пошлиной и это должно бы увеличить шансы на ввоз японских товаров. Но для тех, кто близко знает характер китайского потребления в Манчжурии, ясно, что отделение от Китая вызовет к жизни рост китайской же домашней индустрии в Манчжурии и мало что прибавит к иностранному ввозу, да еще теперь, после пережитого краем беспримерного наводнения и при все возрастающем раззорении земледельче-

ского населения из за непрекращающихся восстаний, грабежей и усмирений. Нельзя ждать и быстрого роста японской промышленности в крае. Фушунские копи, принадлежащие южно-манчжурской дороге, уже три года кряду сокращают, а не расширяют программу работ, **несмотря на все поиски** рынков для угля за пределами и Манчжурии, и Японии. Самое большее, что сейчас может быть создано, это сталепрокатный завод да рефрижераторы для мяса из Монголии, но и то единственно за счет японских государственных субсидий, так как на частный кредит не приходится расчитывать ни вне, ни внутри Японии.

Гораздо более существенно то, что для Японии стало возможным безо всякой помехи и в срочном порядке построить стратегические железные дороги по оси Северная Корея — Чанчунь — Солунь — Хайлар, приближающей Японию к советской Монголии и обеспечивающей возможность надежного военного натиска, как на Тянцзин — Пекин — Шанхай, так и на Ургу — Кяхту, навстречу русским силам. Не приходится сомневаться, что важнейшие недостающие участки этих дорог, как Расин — Дунхуа и Чанчунь — Солунь, **уже строются,** как и воздвигаются долговременные укрепления на стратегических пунктах по реке Сунгари, вниз от Харбина.

Этот несомненный успех Японии, по своему значению выходящий за пределы собственно-манчжурских **интересов, находит** свой противовес в следующих теневых сторонах положения.

Восстания и партизанщина вспыхивают поочередно то на востоке, то на Западе, то на юге Манчжурии. Поскольку дело идет о бунтующих «манчжурских» войсках, они все равно предназначались раньше или позже к замене японскими, так что «усмирение» их входит в планы Японии. Другое дело — партизанщина, развивающаяся из старых организаций «хунхузов». Хунхузские неуловимые, вечно «возникающие из пепла» отряды существуют в Манчжурии с самого начала ее интенсивного заселения. В лесах и горах Гиринской и Хейлунцзянской провин-

международн

ПАРАГРАФ | РАЗ

…конференция

…РАЗОРУЖЕНИИ...

«Kladderadatsch»

ций, на самых гранях плодородных долин, а в разгаре лета и в чащах гаоляна вечно передвигается эта неуловимая и бесшабашная вольница, сумевшая, однако, издавна установить не только свою систему обложения земледелия и торговли, но и свои полицейские силы, поддерживающие порядок в облюбованной полосе. Но теперь это не тысячи, как раньше, а многие десятки тысяч, ушедшие в хунхузы прямо из рядов чжансюеляновских войск (рассеянных японцами) и принесшие с собою как жгучую ненависть к наследственному врагу, так и яркое сознание своего кровного родства со всем огромным китайским народом, живущим к югу от Шанхай — Гуаня, то-есть не под японским игом. Это обстоятельство на много лет вперед исключает возможность ввести в Манчжурии тот-же любезный Японии порядок вещей, что и в Корее, где японская полицейская регламентация так сильна, что даже длинные хозяйственные ножи (например, для убоя свиней) в точности зарегистрированы и вверяются только благонадежным корейцам — по одному на десятки семейств. Чтобы подчинить себе на столько-же китайское население Манчжурии, надо по крайней мере десяток-другой лет. А до того придется все только тратить, но не извлекать.

Если положение внутри Манчжурии заключает в себе мало приятного, то международная обстановка, хотя она и не испытала еще резкого перелома, также складывается все более неблагоприятно для Японии. Меньше всего, конечно, в этом повинен вырождающийся гоминдан, который сейчас больше, чем когда либо, блещет своим ничтожеством. Игру делают совсем другие силы. Антисоветский блок с Запада и с Востока, на который раньше ставила ставку Япония, решительно расстраивается. Вместо того, чтобы захватывать Владивосток и Читу, как события наверное обернулись бы, не случись японского выступления в Шанхае, приходится, наоборот, добиваться признания для «манчжурского независимого государства» со стороны СССР даже ценою уточнения советских прав на Китайско-Во-

сточную железную дорогу. Обсуждение Лигою Наций доклада комиссии Литтона совпадает по времени с переговорами между Соединенными Штатами и европейскими странами по вопросу о междугосударственных долгах. Надо полагать, что быть может не сразу, а после длительного и тяжелого торга, но Соединенные Штаты добьются серьезного дипломатического поражения Японии.

Вот эта то перспектива не может не беспокоить японские правящие круги. Что предпринять, если международная изоляция Японии станет свершившимся фактом? Реакция как общественного мнения, так и широких кругов армии или по крайней мере ее офицерского состава, будет крайне болезненной. Если бы обладание Манчжурией оказалось чудесным и быстро действующим целительным бальзамом для японского народного хозяйства, то стоило бы попытаться просто замкнуться в суровом одиночестве, чтобы, уврачевав экономические и социальные язвы, вернуться на международную арену омоложенным Фаустом, гордым своей силой. Но для такого исцеления надо было бы овладеть не Манчжурией, но всей долиной Яндзы, с Шанхаем и Ханькоу и не просто овладеть военным ударом, но владеть в спокойной обстановке, позволяющей привлечь к делу международный кредит. Однако, этого не дано. Между тем внутреннее положение Японии не улучшается, расстройство хозяйственной жизни все сильнее выражается в напряжении социальных отношений, повышенный тонус политических чувствований неизбежно должен не замирать, но звучать все явственнее. Движения в армии, «датунизм» и т. д. — все это, как и неожиданно-агрессивная позиция такого безукоризненно-либерального органа печати, как «Асахи», отражает все тот же процесс беспрерывно нарастающего социального беспокойства. И если Япония должна будет покинуть Лигу Наций, то это обстоятельство вместе с неизбежным параллельным разочарованием в экономических результатах овладения Манчжурией, толкнет правительство на новые шаги и в новом направлении. Придется, стало быть, как то иначе и активно реагировать на дипломатическое поражение, т.-е. сделать новый резкий жест, чтобы дать раздраженной и ежечасно все более раззоряющейся стране какую то иллюзию удовлетворения. Такой жест — военный, разумеется — возможен в сторону как севера, так и юга. Но первый, даже в случае успеха, обещает только прибавить территории с трудностями неизмеримо горшими, чем в Манчжурии, а второй скоро привел бы от международной изоляции к торговой, а затем и военной блокаде Японии. Есть над чем призадуматься.

Ключ к положению в отношениях между Соединенными Штатами с одной стороны и Англией и Францией — с другой. К тому, как они сложатся, Япония вынуждена прислушиваться с напряженным вниманием. И ближайшие судьбы Манчжурии решатся скорее на берегах Атлантического, чем Тихого океана.

10/XII. Прага. **Г. Танасов.**

МАХАТМА ГАНДИ

В Индии война и революция. Она началась давно, почти непосредственно вслед за русской революцией 1905 года. Так что сейчас уже не парадокс, что Цусима для Англии может оказаться более чувствительной раной, чем была она для России. Цусима в глазах Востока осталась символом поражения не только русских, но вообще всех «белых чертей», всей «белой расы»; теперь же, благодаря политике большевиков и в неменьшей степени благодаря политике «государственных людей» современной Европы и Америки, русские перестали быть в глазах Востока «белой расой». Эта условная «белизна» утеряна ими в портах Гонконга и Шанхая, в пароходных трюмах для «цветнокожих», где русские эмигранты делили и труд, и досуг с китайскими «кули» и афри-

канскими неграми. И вот в трехмиллиардном «цветном» мире русские, смыв с себя свою гордую «белизну», постепенно стали не только равными, но и «первыми». И это «первенство» нам следует принять, как одно из главных, хотя и невольных, «завоеваний революции». Вспомним, что и Цезарь когда-то предпочел первенство в деревне второму месту в Риме и для России будет очень, очень печально, если в попытках вернуться на задворки Европы, она потеряет свое новое, столь ответственное, первенство, приобретенное ценой крови, пота и страданий.

Коммунисты со своей стороны уже постепенно его теряют. Захватив это первенство миражем величия силы воли и духа, перед которыми всегда преклонялся Восток, мессианством освободительных идей и грандиозностью планов миростроительства, они позорно быстро стали падать с этих высот в трусливую тиранию слабости и подлости, слишком хорошо известную Востоку и слишком им презираемую. То, что остается еще от преклонения перед ленинской фатаморганой тает перед фактами глупой, обреченной политики «безбожья», — органически неприемлемой ни для России, ни для Востока. Мне часто приходилось говорить на заводах с рабочими арабами, индусами, китайцами и персами — и я видел, как неизбежно всякий раз останавливалось на этой грани их влечение к коммунизму, за которой они каким то своим инстинктивным чутьем угадывали не начало новой счастливой жизни, а все тот же мертвящий, убийственный для них оскал западного материализма. Интересно, что эту антирелигиозную политику СССР они считают позднейшей, и им кажется кощунством приписывать ее Ленину.

Теперь глаза их невольно отрываются от Москвы и обращаются к Дели. Там полунагой, истощенный старик, одинокий в тюрьме, ведет упорный бой за свободу своей родины с могущественной европейской державой и направляет величайшую социальную революцию, освобождает от унижения и гнета шестидесятимиллионный обездоленный класс населения. Новые граждане, вчерашние парии и нечистые, входят как равноправные в новый гражданский и политический строй страны, возрождаемой на основах примата духа над материей, идеи над силой.

Победа Ганди над Англией, ради которой сейчас так же слепо работают коммунисты, как некогда работала Англия над подготовкой Цусимы, — может оказаться одинаково роковой, как для советских верхов, так и для английского могущества.

Тогда Восток окончательно уйдет от Москвы к Дели, от Сталина к Ганди — а Европа будет все так же трусливо искать новых пактов, но уже не с СССР.

Место, которое Россия безмерными страданиями и унижениями приобрела на Востоке, может быть легко утеряно. С задворков Европы она может быть отброшена, благодаря глупости, невежеству, материалистической косности ее теперешних вождей... на задворки Азии.

А это была бы уже не только духовная, культурная летаргия русского народа, как сейчас, — но и действительная физическая его смерть, материальное разложение, которое, по законам естества, неизбежно следует за духовною смертью...

Имя Ганди — известно всем, но мало кто отдает себе отчет в его связанности с судьбою России.

Ганди — чистокровный индус и по крови и по духу. Таков он для Индии; для нас же, русских, он интересен еще и тем, что является как бы действительным воплощением идей Льва Николаевича Толстого, как бы продолжением его в иной, не совсем понятной для нас, обстановке индийского Востока.

Теперь, кажется, уже ясно всем, что в России и в Европе толстовство было и остается чистой утопией, и, надо сознаться, утопией вредной. Оно способствовало тому, что разрушительные идеи встретили разрыхленную почву, на которой не могло базироваться никакое сопротивление. В конечном итоге «непротивление злу» вылилось в пассивное «приятие зла», а в дальнейшем да-

же в столь же пассивное «способствование злу».

Половинчатое приятие толстовских идей Россией может, до некоторой степени, быть объяснено половинчатостью их вдохновителя. Толстой моралист, философ и ересиарх, загорающийся при каждом упоминании о Востоке, никогда не победил в себе представителя нашей западнической аристократии, графа Льва Николаевича, добродушного яснополянского помещика, одинаково любящего и цыганские песни, и душеспасительные разговоры с игуменом соседнего монастыря.

Ганди, конечно, не сравним с Толстым ни по силе, ни по красоте, ни по логичности мысли, но он натура **цельная** и в **этом его** несомненное превосходство в сфере активности. Другим источником силы является у Ганди его **активная религиозность,** совершенно отсутствовавшая у Толстого. Религия у Ганди — реальность, у Толстого — идеология. У обоих она — синтезообразная смесь представлений Христианства и учений Средней Азии, но Толстой **нисходит** с непостигнутых им мистических высот христианства в дохристианские предчувствия Азии. В этом его **падение,** если не осознанное им, то интуитивно чувствуемое, приведшее его на пороге смерти к порогу Почаевского монастыря. Ганди, наоборот, **восходит** в своем индуизме к новой идее, из которой он вмещает все, что может вместить и воплощает в жизнь все, что может воплотить. Принимая идеи Толстовского Христианства, Ганди остается стопроцентным индусом. Индуизм — религия синкретизма, гостеприимно принимающая в свой пантеон всевозможных богов. Ганди вполне законно для своей религии ставит Христа синкретически в ряд многих других пророков, через которых и в которых Божество открывается миру. Христос для него новая форма, новая идея безграничного добра и любви и отсутствия насилия. Новый этический порядок, которому надо следовать, и которому он следует до полного, по его мнению, подражания в любви и страдании. В отношении к Индии, в «которую он влюблен», он стремится сознательно уподобиться Христу «пострадать за грехи своего народа», «искупив их».

Таким образом Ганди, приняв этически, эстетически и морально христианство Нагорной Проповеди в толковании Толстого (которого он считал своим учителем и с которым был в 1908-1910 г.г. в переписке) не только не становится половинчатым, полуевропейцем, «евразийцем», — но наоборот, становится лишь более цельным и лучшим индусом. В нужную минуту он находит силу сбросить с себя даже видимость европейца (будучи по образованию лондонским юристом и адвокатом), сбросить, все, до последней нитки европейской одежды, и, голый, в собственноручно сделанной повязке вокруг бедер, является в глазах Индии и Востока глубочайшим воплотителем идеи национального роста освобождающихся народов. Голый стоит он один против всей Англии, против ее штыков, пулеметов, орудий, против ее губернаторов, солдат и тюремных сторожей — и побеждает их... силою Духа.

В. Зубов.

НОВЫЕ ТЕЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Российская Революция поставила перед миром поистине мировые проблемы. И Европе их не обойти. Проявляясь в разных формах, российская революция **уже** стала явлением мировым.

По всему свету разбросаны очаги ее жалких подражателей — местные компартии. — Появились и другие течения, — самостоятельные — из которых одни уже теперь думают о том, что будет **после** революции, другие — как бы эту революцию миновать, похитив из ее арсенала самые сильные, сознательно-взрывчатые идеи, пытаясь направить их по иному пути.

Русским людям пореволюционного сознания надо быть в курсе этих исканий и по-

туг новой европейской мысли. Ее установки интересны тем, что позволят нам проверить по ним и наши теоретические искания. Критика их положений иногда явится для нас также и самокритикой. Попытки приложения новых теорий к жизни (фашизм, национал-социализм) для нас должны быть особенно поучительны.

Мы предполагаем в каждом «не-четном» номере давать краткий обзор какой-либо группы новых вне-российских течений. На этот раз, за недостатком места, мы ограничиваемся кратким обзором одной только Германии.

Там развивается сонм родственных течений, на первый взгляд мало чем друг от друга отличающихся; ниже мы кратко укажем наиболее характерные из них. Современное сложное положение в Германии заставляет воздерживаться от рискованных прогнозов; удержится-ли Шлейхер? Окончательно-ли «упустил свой шанс» Хитлер? Не выдвинется-ли кто-нибудь третий, ныне еще берегущий себя на вторых ролях? Сейчас судить об этом трудно. Да и не так это в сущности важно: кто-бы ни закрепился сколько нибудь **прочно** во главе сегодняшней Германии — он все равно принужден будет черпать свой социально-идеологический багаж из того-же самого **общего** источника: всего «комплекса» новых течений, а который именно **оттенок** восторжествует — имеет, в конечном счете, третьестепенное значение.

Поэтому нас может интересовать главным образом то **общее,** что имеется во всех немецких «пореволюционных» (если можно так выразиться) направлениях.

Самое яркое немецкое течение, — конечно — национал-социализм. Это вообще тип мировоззрения очень близкий германскому духу. Национал-социалисты и против капитализма борются главным образом потому, что он чужд германскому народу, т.-е. **из националистических побуждений.** Есть в них и непреодоленная до-революционность: многие установки — лишь случайно выхваченные и уродливо преувеличенные отдельные черты старо-классического пан-германизма. Так, национал-социалисты являются защитниками чистоты германской расы и открыто проповедуют антисемитизм. В них прежде всего **национальная гордость определяет сознание.** Они, в общем, враждебно настроены по отношению ко **всем** расам. Отношение к евреям — только самое резкое проявление этой ненависти. О России они просто говорят, что, «если нам понадобится земля, мы возьмем ее на Востоке» (Hitler «Mein Kampf. — Jung «Der Nationale Sozialismus»).

Гораздо интереснее для нас экономические положения «наци», направленные против капитализма. Их программа, переизданная в 1932 году Г. Федером, содержит кроме общеизвестных «25 пунктов», специальный отдел, касающийся сельского хозяйства. Хитлеровцы призывают немцев вернуться к земле. «Вся земля принадлежит государству». Только оно имеет право сдавать в аренду и продавать землю. Частная собственность признается лишь постольку, поскольку собственник пользуется ею для общественного блага: в противном случае — она конфискуется в пользу государства. Банки, анонимные общества, тресты, переходят в ведение государства.[1])

Замечается и у национал-социалистов попытка утверждения принципа коллективизации. Фабрики, «товарные дома» (универсальные магазины) «должны принадлежать всем сотрудникам совместно» (Rosenberg «Das National-Sozialistische Program»).

Борьба национал-социалистов против капитализма является, по их заявлениям, прежде всего борьбой против **злоупотребления** капиталами и против накопления **мертвых** капиталов в частных руках.

На другом участке фронта, национал-социалисты являют себя ярыми врагами также и марксизма — потому что «он проповедует матерьялизм». Они утверждают, что германцам изначально свойственна религи-

---

[1]) Другая (более умеренная) немецкая группировка, за последнее время даже сблизившаяся с ген. Шлейхером, и представленная журналом «Die Tat» («Действие»), принимает почти целиком те же экономические позиции. Но она называет их «государственным капитализмом». — **И. И.**

озность. Но национальная религия Германии, хотя и должна быть христианской (они отрицают, в брошюре Г. Федера, всякую связь с Вотанистами), но не католической и не протестантской, а «германо-христианской» (Jung «Der Nationale Sozialismus»).

Из этого видно, что вся «духовность» у хитлеровцев связана с их культом расы.

Однако, вышеперечисленными германскими направлениями не исчерпываются попытки сопречь национализм с социальным радикализмом. Нельзя не отметить группу, издающую журнал «Vorkämpfer» — ставящую себе ту же задачу, но идущую много левее «наци» и свое требование социальных реформ доводящую часто до утверждения чистого социализма, что, в свою очередь, роднит ее с отколовшейся от хитлеровцев также влево группой Отто Штрассера — «Schwarze Front».

Насколько хитлеровцы сосредоточивают пафос своей борьбы на столкновениях с коммунистами (причем, если учесть их руссофобство, не знаешь, — не борятся ли они с ними, как с авангардом Москвы) — настолько же группа «Vorkämpfer»-а занимает подчеркнуто-руссофильскую позицию и, может быть, как раз по этой причине, никакой агрессивности по отношению к коммунистам не высказывает.

Хитлеровцы стремятся заменить стены и подвести новый фундамент под крышу старой германской государственности. «Передовые бойцы» («Vorkämpfer»: Передовой Боец») видимо считают, что строить можно только на **чистом** месте — и потому, провозглашая первой и ближайшей задачей низвержение капитализма, они готовы сочувственно наблюдать за революционным разрушением старого мира коммунистами. В этом отношении они, конечно, в наибольшей степени «пореволюционны» (в буквальном смысле) изо всех германских искателей новых форм общественной жизни.

Интересно еще указать на объединение, определяемое журналом «Gegner» («Противостоящий»); он был создан в связи с прошлогодним франкфуртским съездом новых политических направлений западной Европы. «Gegner» — зачинатель подготовки «четвертого интернационала» — «идеократического». Не касаясь здесь вопроса об осуществимости такого проэкта, все же отметим, что «Gegner» уже теперь пытается, как и мы, объединить молодых деятелей на основе **положительных утверждений.** Журнал базируется на необходимости в виду «общего духовного хаоса нашей эпохи, снова углубиться в основные вопросы и, исходя из них, установить новый порядок» (статья Шульце-Бойзен).

Для новых течений европейской мысли несомнен конец капитализма (а в некоторых конструкциях — вместе с тем и матерьялизма). «Этот конец надо ускорить»: в этом отношении они также все согласны.

Но каков должен быть **завтрашний** день им определить, конечно, трудно. Труднее, чем послезавтрашний, который несомненно, хотя и смутно, но уже чается некоторыми из них: чается почти таким-же, каким видят его — не представители Европы (хотя и молодой), — а те, для кого европейское «послезавтра» есть уже российское «завтра»: русские пореволюционники.

Ирина Ильинская.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Наши критики, причисляющие себя к «старшему поколению», упрекают молодых в самомнении, в стремлении к невыполнимым «мировым задачам, к миссианским и мессианским «бредням».

Конечно, чрезмерность порывов иногда смешна, но она смешна **радостно.**

Радостно видеть, что ни поражения, ни нужда, ни безвыходность не сломили, не примирили с «канареечными» достижениями.

Радостно видеть, что даже из своего ужасного «ничего» молодые стремятся к высоким, творческим целям.

Если и падут, не вынесут, разменяются... Кто бросит в них камень?

У тех, у «старших», все было иначе.

Была «Великая, Державная Россия».

Много в ней было хорошего, не мало плохого и лежала перед теми, «прежними», всегдашняя будничная задача: плохое исправить, хорошее развить.

Но оказалось, что и они «дела себе богатырского» искали.

Один стал «рубить основы самодержавия»... и создал только «Дни».

Другой «уничтожал средневековый социальный строй»... и всего лишь породил «Возрождение». [1])

Третий «боролся с архаическим православием»... и с изумлением нашел «Иисуса Неизвестного».

И все вместе дружно работали над превращением «Христолюбивого Воинства»... в «Галлиполийское Землячество».

Когда-же общими усилиями «Великая, Державная Россия» рассыпалась, из обломков ее создали... «культурные достижения эмиграции».

И сейчас «старшие» дьявольски горды своими «достижениями» и всей своей недаром прожитой жизнью: «Мы — соль земли» — заявил недавно на торжественном банкете один милый и очень почтенный старичек другим тоже очень милым и почтенным старичкам.

Те выслушали, самодовольно улыбнулись; одобрили.

Неужели же они не понимают, неужели настолько утратили свою «соленость», свою чуткость, свою тонкость, на культивирование которых ушли века русской истории?

У нас, «молодых», от этой похвальбы даже «горькая улыбка обманутого сына» беспомощно затерялась под преждевременно поседевшим усом...

Я знаю, наши критики возмутятся, заявят, что это передержка, что Д. С. Мережковский на банкете «Современных Записок» говорил обо **всей эмиграции, а не только** о своем поколении «старших».

По форме это действительно могло быть и так, но ведь еще так недавно тот-же Дмитрий Сергеевич под зеленой лампой опускал термометр в душу младороссов, констатировал «повышение на две десятых» и так же публично и торжественно заявил: Сатанисты.

Ведь почти в каждой заметке о «молодых» «Возрождение» не находит других эпитетов, как «простоватый», «грубоватый», «некультурный» и т. п.

Ведь и «Последние Новости» — правда, более снисходительно и культурно — дают понять своим читателям, что все это — милые мальчики, к сожалению берущие на себя задачи не по разуму...

Но может быть «старшие» полагают, что все эти недостатки исчезают в величии роли эмиграции, что бывшие профессора, бывшие генералы, бывшие министры, бывшие «вожди» вместе с «простоватыми», «некультурными мальчиками» все же — Соль Земли... Но тогда почему же исключать профессоров, грубоватых и простоватых мальчиков, безумствующих и страдающих там, в далекой России? Почему не отказаться от своего дьявольски гордого, **разделяющего** «мы» и не присоединиться к нашему, смиренно - мистическому, **объединяющему:** не мы — грубоватые и некультурные — но мы — **вся Россия,** ибо всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя...

Монтаржи. **Влад. Балканцев.**

[1]) Правда, что с тех пор он испытал буйный прилив империализма и к России успел присоединить еще и славянство.

ХРОНИКА

В течение летнего сезона 1932 года в Париже состоялось 24 собрания различных кружков, прикосновенных к «Утверждениям»

Во французском Обществе Друзей Ганди был прочитан доклад Ю. А. Ширинским-Шихматовым о российском пореволюционном движении; сообщение вызвало горячий

обмен мнений и большой интерес, особенно в среде молодых представителей местной индусской колонии.

О третьей книге «Утверждений» нам доставлено уже свыше 20 отзывов; критика прибалтийских и дальневосточных органов печати еще до нас не дошла.

После выхода в свет второй книги «Утверждений», издательство «У.М.С.А.» приступило к выпуску 2-х месячного журнала «Новый Град», во многом близкого нам органа старшего поколения нео-народников. — Отныне этот журнал будет, к сожалению, выходить только 4 раза в год.

По примеру «Утверждений», «Новый Град» ввел у себя дискуссионный отдел, в котором помещена статья одного из «последних могикан» старой гвардии евразийства — П. Н. Савицкого.

В Париже вышло несколько неморов ежемесячной газеты «Имперский Клич». Имея немало общего с «младороссами», «имперцы» приятно отличаются от них отсутствием наивного династического реставраторства. В ближайшем будущем мы внимательно остановимся на этом течении, в котором заметны и пореволюционные тенденции.

Вышел из печати № 2 двухнедельной газеты «Обыватель-Гражданин», издаваемой М. Н. Калугиным. Приветствуем расширение пореволюционного фронта. Впечатлениями об этом органе мы поделимся в одном из ближайших закрытых номеров «Завтра», когда «Обыватель-Гражданин» успеет в более законченной форме выявить свою политическую платформу.

7-8 августа в Брюгге (Бельгия) состоялась вторая Международная Конференция по делам защиты памятников искусства. Предметом суждения конференции, как и в первый раз, был проэкт международного соглашения («Pacte Roerich»), выдвинутый известным русским художником Н. К. Рерихом. Проэкт предусматривает создание международного флага (по образцу флага Красного Креста), каковой должен был-бы, в случае войны, защищать все произведения искусства и культуры: старинные здания, библиотеки, музеи и пр. Целый ряд стран прислало тысячи снимков с памятников, которые должны были-бы быть защищенными рериховским флагом. Начата широкая кампания, целью коей является принятие державами «Пакта Рериха».

В середине сентября в Кламаре снова собирались евразийцы, стремящиеся возродить движение. Была выпущена листовка о которой будет дана заметка в одном из наших «четных» номеров.

16 ноября, в Париже, состоялось официальное открытие Пореволюционного Клуба, основанного весной 1932 года по инициативе утвержденцев. Общество Друзей Рерих-Музея предоставило Клубу прекрасное постоянное помещение.

Во Временный Совет Старшин (Старостат) Клуба персонально вошли некоторые молодые парижские писатели и представители различных пореволюционных направлений.

Зал Социально-Экономического Института был полон; стояли в проходах.

Среди присутствовавших — много утвержденцев, национал-максималистов, младороссов, евразийцев, нео-демократов; от «Нового Града» присутствовали проф. Г. П. Федотов. Было много писателей (среди них М. И. Цветаева, М. А. Алданов, Ю. А. Фельзен, Г. В. Адамович и др.), журналистов, представителей политического, научного и артистического мира.

Советом Клуба было получено много приветствий.

В Пореволюционном Клубе 30-го ноября состоялась беседа на тему **«Религиозная идея, как орудие противорусской политики».** Докладчик В. Е. Зубов дал интересный анализ современных панмонгольских (главным образом японских) агрессивно-миссионистических религиозных течений, под знаком которых на Востоке намечается некая «мобилизация духовных сил» против России. На Западе та-же «мобилизация» проводится главным образом в англо-саксон-

ском мире, под эгидой Британско-Израильской Всемирной Ассоциации, призывающей англо-саксов духовно вооружиться для последней борьбы с апокалиптическим Армагеддоном — Россией.

В прениях приняли участие Ю. А. Ширинский-Шихматов, С. П. Виноградов, М. М. Артемьев и Н. Д. Филиппов.

14-го декабря в Клубе начался цикл бесед по систематическому ознакомлению с пореволюционными течениями. Докладчик Ю. А. Ширинский-Шихматов, дав общую схему новых течений «по степени их пореволюционности» и кратко рассказав историю их возникновения и развития — подробно разобрал явление «сменовеховства» в двух основных его разновидностях — устряловском «национал - большевизме» (Харбин) и пражско-берлинском «накануистве».

Отметив положительные и отрицательные стороны идеологической конструкции Н. В. Устрялова — докладчик указал на полную неприемлемость «лояльного сотрудничества» с коммунистической властью и противопоставил возвращенству формулу национал-максималистов: «сближение с молодыми силами современной России может быть только сближением **через головы** как эмигрантщины, так и коммунистической опричнины».

После перерыва Вал. Л. Андреев поделился с молодой аудиторией своими мыслями об общепризнанной пассивности эмигрантской молодежи и дал интересный социологический анализ историко-бытовых причин этой пассивности.

Открытие пореволюционного клуба

16 ноября 1932 года состоялось в зале Социально-Экономического Института первое собрание Пореволюционного Клуба. Председательствует **А. Н. Михеев.** Слово предоставляется **В. Л. Андрееву** (от Совета Старшин Клуба). Он отмечает, что инициатива создания Пореволюционного Клуба возникла весной текущего года среди лиц, близких к журналу «Утверждения», и выражает благодарность Обществу Друзей Музея Рериха за предоставление Клубу прекрасного постоянного помещения. Совет надеется, что в Клубе будут сотрудничать последователи всех пореволюционных течений. Клуб рассчитан на те молодые русские силы, которые ищут новое, сомневаются в старом и, хотя и лишены культурной связи с современной Россией, но в душе остались русскими. Клуб хочет создать дружескую и свободную обстановку, в которой молодежь могла-бы встречаться и обмениваться мыслями. Задача его — устремление к светлому будущему России, содействие самоусовершенствованию и самообразованию пореволюционной молодежи.

В. Л. Андреев указывает, что некоторые политические образования, к сожалению, унаследовали от старых стремление к дроблению. Клуб должен помочь преодолеть «частное» ради «**общего**, которое и есть **главное**».

Это «общее» устав Клуба определяет так: 1) примат духовного начала над матерьяльным и вытекающие из него анти-капитализм и анти-коммунизм, 2) признание Революции **путем** к России завтрашнего дня, 3) утверждение вселенского характера исторического призвания России.

Ближайшими задачами Клуба является: 1) осознание и обоснование целостного пореволюционного мировоззрения в условиях непредвзятого дискуссионного обсуждения, 2) объединение различных пореволюционных направлений путем утверждения всего того общего, что они содержат, 3) помощь молодежи в деле самообразования и изучения России.

Оратор отмечает, что молодежь, получившая образование заграницей, мало знает Россию. Ей нужно изучать, прежде всего, свою историю, свою культуру и свой народ. Это будет для нее вместе с тем и самопозна-

печать об утверждениях

...Редакционные разъяснения обязывают отнестись с особым доброжелательством и сочувствием к литературному начинанию трудовой эмигрантской молодежи. Для нас, уходящего с жизненной сцены поколения, нет перспективы более трагической и страшной, как исчезнуть, не оставив свежей культурной смены себе. И нас не пугает, что молодежь так подчеркнуто обращена душой вперед, в «пореволюционное» будущее России, что она ищет непременно «нового» сознания, — тем лучше. Значит, она действительно молода; а кто же, с другой стороны, станет отрицать, что старые основы интеллигенческого сознания неотложно требуют весьма серьезного пересмотра.
(«Современные Записки» № 47. В. В. Руднев.).

...отталкиваясь по Бердяевски от нынешних форм «научного» социализма, «Утверждения» не только страстно отрицают «грешную» форму капиталистического строя, но в своей жажде новых, справедливых социальных отношений уже сейчас идут в ногу не с буквой, конечно, **а с духом всего пореволюционного, небывалого по силе, повсеместного низового движения за социальное раскрепощение, за освобождение труда.** Во-вторых, отталкиваясь от парламентарных форм народовластия, «Утверждения» опять таки идею свободы и абсолютной ценности человеческой личности решительно включают в список новых утвердительных и учредительных пореволюционных государственных ценностей. (А. Ф. Керенский. «Дни» № 125).

...«Утверждения» — не случайное явление. Они есть лишь одно из отражений совершающейся — или, быть может, совершившейся — перемены настроений. Должны ли, можем ли мы этому потоку противиться? Не свидетельствует ли он о выздоровлении эмиграции от тех болезненных явлений, против которых мы в свое время сами ополчались? Не больны ли мы, наконец, чего доброго, сами той же болезнью, от которой лечили других?

Было бы ошибочно не признать в этих новых настроениях связи с тем, за что мы сами боролись. (П. Милюков. «Последние Новости» № 3839).

...Было бы несправедливостью по отношению к «Утверждениям» сводить все их содержание к принятию советской действительности за фундамент, на которм построится русское будущее. Утвержденцы — в некотором смысле продолжатели славянофильского мессианизма. Они верят в существование «великой и многообразной российской идеи», идеи христианской и вселенской и некоторые из них делают попытки эту идею глубже раскрыть и разъяснить. («Возрождение» № 2628. Передовая).

...Если спросить себя, чем, в сущности, отличаются — в главном и основном — «Утверждения» от «Нового Града», то ответ будет: в «Утверждениях» есть пафос... (П. Н. Милюков. «Последние Новости» № 4173).

...Все без исключения статьи в отчетном номере так интересны, столько в них искренности, простоты, русского проницательного ума, ширины и преданности идее и мысли, что говорить что либо в отдельности о каждой — нет возможности. Статьи эти над лишь читать. Всякий пересказ или отзыв, по моему, просто неуместны. В общем — вся отчетная книга производит впечатление лучшего, что у нас есть в этом роде за рубежом; читая эти прекрасно-изданные страницы, чувствуешь редко вызываемое в наши дни книгой моральное удовлетворение... («Звено» № 11. А. Попов).

...В отделе «Объединение» в газете «За Свободу (№ 24-3697) помещена статья, без подписи: «Виленские утвержденцы». Статья эта глубоко знаменательна и чрезвычайно характерна для приемов, какими отличается всякая вообще в полном смысле слова недобросовестная полемика... Понимаем ли мы (т.-е. редакция «Нашего Времени»), что «утвержденство» лишь вывеска, прикрывающая пропаганду коммунизма и сменовеховства? Конечно, не понимаем, ибо это — глупейший вздор, выдуманный кем-то из «беззастенчивых» и неразумными повторяемый... («Наше Время» № 31/431. Передовая).

...Писателей, группирующихся вокруг парижских «Утверждений» можно отнести к категории тех душевных работников, живущих в рассеянии, за рубежом русской границы, которые и в данном, кажущемся хаотическим и бурным, течении полноводной реки нашего времени, стараются угадать, уловить смысл и приказ Русской Истории сегодняшнего и завтрашнего дня.
(«Народная Газета» № 3435).

...Ряд авторов... со свойственной утвержденчеству прямотой и простотой мысли, со все больше устанавливающейся определенностью — выговаривают свое слово. («Русский Голос» № 46. Вл. Гриненко).

...Журнал производит очень хорошее впечатление: свежесть, искренность, смелость, отсутствие того развитого идолопоклонничества пред разными политическими авторитетами, которое было и есть в нашей периодической литературе. «Утверждения» — фактически единственный независимый русский журнал. («Русский Курьер» № 33).

несколько тезисов из журнала УТВЕР

Стремление журнала: не столько убедить в чем-либо свою читательскую общину, сколько облегчить ей возможность самостоятельного и сознательного выбора пути. («Утв.» № 3, стр. 5).

Утвержденцы не политическая партия. В утвержденчестве сплетаются все отдельные пореволюционные тропинки, сливаясь в широкую, торную дорогу. («Утв.» № 3, стр. 3.).

Нам необходима концентрация всех сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи: оформления единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской Исторической Идеи в ее проэкции на современность. («Утв.» № 1, стр. 7).

Вино старое Российской Исторической Идеи хотим мы влить в мехи новые. («Утв.» № 2, стр. 1.).

Мы живем в эпоху, когда вопрос духовный делается основным вопросом и с ним неразрывно связан вопрос социальный, вопрос о творчестве новой жизни. («Утв.» № 2, стр. 4).

Наша цель установлена достаточно ясно: устроение нового социального уклада, одновременно анти-капиталистического и анти-коммунистического, на основах христианской правды. («Утв.» № 3, стр. 9).

Свобода есть высшая ценность. («Утв.» № 2, стр. 7).

Никогда не примиримся мы с возвратом к эксплоатации человека человеком. («Утв.» № 2, стр. 4).

Всемерно утверждая идею свободы (основоположную идею христианства) — мы не склонны обязательно связывать ее с «демократическими» формами государственного устройства. («Утв.» № 2, стр. 9).

Наша политическая позиция вполне определенна: она непримиримо революционна по отношению к коммунистическому правительству современной России. Наша позиция столь-же непримиримо враждебна всякой реставрации. («Утв.» № 1, стр. 8).

Для нас равно неприемлемы тезисы капитализма и антитезисы коммунизма. Мы ищем новые формы, новые пути. («Утв.» № 1, стр. 8).

К проблеме Революции нельзя подходить упрощенно... Нельзя забывать, что она не только кризис России — она кризис всей современной цивилизации. («Утв.» № 1, стр. 4).

Борясь с компартией — мы тем самым преодолеваем и марксистско-коммунистический этап Революции. («Утв.» № 1, стр. 4).

Националист не может быть пораженцем: не может стремиться к своей цели путем содействия военному поражению своей родины. В этом его отличие от интернационалиста. («Утв.» № 3, стр. 165).

Путь России — это путь от советской действительности к осуществленной Российской Идее. («Утв.» № 3, стр. 10).

К коммунистической власти мы относимся **непримиримо** и сближения с современной Россией ищем через голову как эмигрантщины, так и коммунистической опричнины. («Утв.» № 3, стр. 166).

Духовно-творческому процессу, имеющему предварить чаемое преображение родины и должна — и потому может — способствовать в условиях свободы пребывающая эмиграция. От того — поймет-ли она свое призвание зависит вообще, сыграет ли она какую-либо роль в становлении новой России; эта роль откроется перед ней только в том случае, если она сумеет выделить из себя идеологический авангард новой России.
(«Утв.» № 2, стр. 22).

нием. Для того, чтобы судить о правильности той или иной точки зрения, надо расширить свой культурный и научный горизонт. Для этого, в помещении Клуба с 1 января начнут действовать четыре семинара.

От парижской группы Национал-Максималистов берет слово **Ю. А. Ширинский-Шихматов.** Он говорит, что в определении содержания понятия пореволюционности еще не создалось единогласия даже среди лиц, специально интересующихся политикой. Многие склонны забывать, что революция еще не завершилась и потому пореволюционность еще не сегодняшний исторический день, а день **завтрашний.**

Пореволюционному сознанию свойственно восприятие капитализма, как некоего исторического тезиса — коммунизма, как антитезиса и чаемого синтеза, как творческого сопряжения в течении послереволюционного периода всего того **положительного и жизненного,** что было в тезисе и антитезисе. Объективным критерием для определения тех ценностей, которые должны будут войти в синтез, явится их соответствие духовному облику и историческому пути нашего народа. Понять облик народа можно только изучая **его творчество,** его национальных мыслителей и провидцев, носителей искры Божьей на земле. Они — антенна, почувствовавшая судьбы **исторического** (а не эмпирического) народа; они-же — его рупор, чувство облачающий в слово.

Русская история рисуется, как арена борьбы «трех Римов», трех средоточий духовного водительства миром. После католического Рима, бремя вселенского служения взяла на себя Византия — второй Рим. Еще на пороге русской государственности было произнесено великое слово: «Москва есть третий Рим, а четвертому не бывать» (инок Филофей). За последние триста лет второй и первый Рим внешне победили третий. Второй Рим — Византия — изгнал в раскол тех, кто в исправлении Богослужебных книг и церковно-бытового уклада по греческим образцам видел умаление третьего Рима. При Петре первый Рим вместе с римским **право**сознанием ополчились на русскую христианскую правду и русское **правдо**сознание. В борьбе первого и второго Рима с третьим, во временном успехе первых двух, завязался тот сложный узел, который разрывается теперь на наших глазах.

В 40-х годах прошлого века окончательно оформляется конфликт. Русская мессианская идея **в ее религиозном облике** ушла в скиты, оставив государству одну внешнюю церковь. Русская историческая идея **в ее общественно-политическом** облике стала в оппозицию господствующей власти в лице славянофилов, а в лице народников — вступила с ней в борьбу.

Нынешняя Революция имеет величайшие национальные задачи: соединить во-едино все, прежде разрозненное.

Большевики только **бессознательные** выполнители некоторой части высшего задания, предуказанного Блоком в «Двенадцати». Исторической судьбой на третий Рим лишь **временно** надета безобразная маска Третьего Интернационала.

Люди творчества, создавшие в истории русской мысли определенную духовно-культурную традицию — **пророки российской мессианской идеи.** Их разбросанность по разным лагерям и школам не мешает их полному единогласию **в главном.** Многочисленные цитаты, приведенные оратором, иллюстрируют правильность такого утверждения.

История русской мысли дает в итоге **Российскую Идею;** ее надо **оформить** в стройную идеологическую систему; она — **стержень** целостного пореволюционного миросозерцания.

И. И. Ильинская (от Группы Пореволюционной Молодежи) видит большой недостаток современной молодежи в том, что эта молодежь плохо знает русскую культуру и историю. Ей надо много учиться. Строить новое не значит отрицать значение **всего** старого. И в нем была наша русская правда. Но в дореволюционный период эта правда оказалась разделенной на два враждующих лагеря; и эти две половины правды постепенно искажались накопившейся вокруг них ложью. В старом строе сохранилось русское национальное чувство и русская христианская церковь. Но они были

искажены насилием и формализмом. В революционном движении таилось русское мессианское чаяние и искание справедливости. Но мессианство было неосознанное и во имя справедливости часто боролись не только против чужой лжи, но и против чужой правды.

Значение русской революции в том, что она раскрыла глаза грядущим поколениям, указав им, где была правда и где ложь. Пореволюционная задача — очистить две враждовавшие половины правды от накопившейся вокруг них лжи и соединить их опять в единую истину.

Тут, заграницей, молодежь может быть пока только духовной участницей того, что должно произойти в России. Но она должна осознать и развить в себе русское культурное начало, пока имеет возможность свободно читать и говорить, — чего лишена молодежь, находящаяся сейчас в России. Только так мы сможем внести наш вклад в общее дело, когда соединимся с ними для общей работы. А пока эмигрантские молодые должны забыть свои мелкие несогласия во имя великой общей любви к родине. Они еще не разделены закоренелой партийной враждой, как старшее поколение. И они станут силой только тогда, когда смогут образовать «единый фронт пореволюционной молодежи».

Приветствовал создание Клуба и известный пореволюционный публицист **М. М. Артемьев.** Он указал на выдающуюся роль политических клубов в истории всех общественных движений, особенно в революционные периоды (Якобинский клуб и др.). Отметил, что атмосфера клуба создает более органическое единство, чем мертвая форма политической партии. Выразил надежду, что клуб будет содействовать действительному объединению пореволюционных течений.

После перерыва, слово предоставляется **Л. Б. Савинкову** (от Литературно-Художественного Кружка).

Он полагает, что пореволюционное сознание не может ограничиться политической сферой. Еще важнее ее — область религии, культуры, историософии и искусства.

Он ставит проблему нового сознания в поэзии. Ее область — мета-культура и мета-история, но место поэта — в культуре и в истории. Вот почему поэт трудно отделим от эпохи и от духовного лица своего народа. Духовно оторвавшись от России, эмигрантские поэты замерзли в безвоздушном пространстве. Характерны для них стихи:

«Хорошо, что Бога нет, хорошо, что нет России»...

Подлинная лирика отражает в себе нечто гораздо более глубокое и универсальное, чем единоличное переживание. Но и лирика, и трактовка «вечных проблем», имеют свои истоки в народном духе, хотя бы сам поэт не сознавал этого. Лирика Блока и Есенина непреходяща, ибо через свое «я» они выявляли смутное, неосознанное «я» своих современников. Советская поэзия не лучше эмигрантской. Она — противоположная крайность: это своего рода индустрия. В ней диктатура социального заказа противопоставляется бестемности эмигрантской литературы, ее подражанию Прусту.

Главный порок и советских, и эмигрантских поэтов—в оторванности от российской культурно-исторической традиции. Ни тот, ни другой путь для нас не приемлем.

Л. Б. Савинков призывает молодых поэтов и писателей неустанно работать над собой; духовным и культурным возвышением, верой в неумирающую Россию и в вечную русскую поэзию — подготовить себя к грядущему.

От Общества Друзей Рерих-Музея с краткой приветственной речью выступает **Г. Г. Шклярев,** желающий Клубу полного успеха на путях служения культуре.

Затем слово предоставляется **В. С. Макарову** (от Редколлегии «Утверждений»), который указывает, что до сих пор деятельность представляемого им журнала была сосредоточена на объединении **идейном.** Тут уже кое-что сделано. Тот факт, что на страницах «Утверждений» нашли себе место Бердяев и Кускова, Тимашев и Устрялов, Степун и Дмитриевский, — подтверждает правильность основной установки: широкой терпимости к чужому мнению, способность отвести на второй план свое частное, ради утверждения общего «во имя России завтра-

шнего дня». Но от слов надо перейти к действию, от свободной встречи идей, к свободной встрече их носителей. В. С. Макаров заканчивает тем, что призывает Клуб держаться основных начал, на которых он был задуман: свободного и непредвзятого обсуждения проблем, взаимного уважения и терпимости, — особенно-же воздержания от голой критики, к которой склонна молодежь; «надо искать положительных конструкций и творческих утверждений».

От Редколлегии «Завтра» берет слово **А. И. Ярмидзе,** заявляющий, что объединительное пореволюционное движение настолько в настоящее время расширилось, что одного журнала «Утверждения» для его обслуживания недостаточно. Подготовляемый к печати новый журнал «Завтра» должен стоять ближе к жизни, откликаться на текущие события, явиться некиим «камертоном пореволюционного ритма». Он будет органом молодых — для молодых.

А. И. Ярмидзе приветствует Пореволюционный Клуб, как место, где молодые, ищущие новой правды, могут свободно высказываться устно, и надеется, что «Завтра» явится тем органом, на страницах которого эти молодые захотят высказываться печатно. Он призывает молодежь к дружной, совместной работе для раскрытия в себе пробуждающегося нового сознания.

Н. Д. Филиппов (от группы Христианских Националистов) указывает на путь, коим современный европейский человек от образа Христа опустился до образа самодовольного зверя. «Теперь говорить о банкротстве матерьялизма значит ломиться в открытые двери». На верхах человеческой мысли матерьялизма, как мировоззрения, никогда и не существовало. Ни один подлинный великий ученый не был атеистом (Паскаль, Декарт, Спиноза, Ньютон, Пастер, Менделеев). Ныне-же вся философски-мыслящая интеллигенция пережила и преодолела матерьялизм. Он сохранился только еще в невежественных городских массах.

В России вера в живого, доступного к общению, Бога, никогда не угасла, ни на верхах философской мысли, ни в народной глубине. Эта вера спасет нашу родину. Хотя истинные христиане не борятся против врагов, а молятся за них, — они победят большевиков. Их сила — сила духа любви.

После Н. Д. Филиппова слова просит **А. Н. Павлов** (от группы «Единый Фронт»). Он выражает сожаление, что на открытии Пореволюционного Клуба не присутствуют те несколько тысяч русских шоферов и рабочих, которые должны были бы считать пореволюционное дело — **своим.** Он полагает, что отчасти в этом виноват слишком сложный идеологизм пореволюционных направлений («некоторые даже занимаются изобретением собственного бога») и призывает устроителей Клуба пойти навстречу рабочим массам эмиграции. Отметив «неуместность и ненужность новоградской попытки создания второго клуба», А. Н. Павлов надеется на скорое установление единого фронта пореволюционных течений.

После него слово предоставляется писателю **Н. Н. Былову** (нео-демократу). В дополнение к **идеологическому** определению пореволюционности, данному Ю. А. Ширинским (к каковому он присоединяется), Н. Н. Былов формулирует **политическое** определение пореволюционности.

Указав, что в прошлом истина была разбросана по всему спектру до-революционных направлений, он полагает, что в пореволюционном синтезе должны будут слиться: 1) **национальное чувство,** прежде монополизированное «правыми», 2) **социальный радикализм,** одушевлявший «левых» и 3) **утверждение свободной человеческой личности,** которое отстаивалось преимущественно прежними центральными группировками, Этот синтез тесно связан с идеей Бога, вне которой не мыслимо действительное утверждение личности и человеческого достоинства.

Перед закрытием собрания председательствовавший **А. Н. Михеев** благодарит ораторов и гостей от имени Пореволюционного Клуба.

по сети утвержденцев

1.

Просьба ко всем соратникам и друзьям, проживающим во всех крупных городах Финляндии, Латвии, Литвы, Бессарабии, Северной Америки (особенно Чикаго, Детройт), Китая (Харбин и Шанхай) — ударно наладить представительства по распространению пореволюционной литературы. Все, созданное до сих пор, совершенно не удовлетворительно. О сделанном известить, с указанием, какое количество экземпляров какого журнала каждое представительство обязуется распродать на месте, как через книжные магазины, так и непосредственно.

Предлагается проявить широкую личную инициативу. Не опасаться создания параллельных представительств — они будут впоследствии увязаны с главной сетью; работы хватит на всех.

2.

Чтобы подойти к рассмотрению основных пореволюционных политико-идеологических установок — необходимо подготовиться, расширить свой горизонт.

Рекомендуется, по примеру старших групп, наладить на местах кружки политического самообразования **первой ступени** — а именно:

1) Кружок по изучению истории русской мысли (Филофей, Чаадаев, Хомяков, Аксаковы, Киреевский, Самарин, Герцен, Гоголь, Леонтьев, Данилевский, Бакунин, Соловьев, Достоевский, Федоров, Бердяев);

2) Кружок по изучению русской историософии (не хронологическое, но смысловое изложение связи событий, в свете мессианской Российской Исторической Идеи);

3) Кружок по изучению современной России (государственное устройство, законодательство, политграмота, программа В.К.П. и т. д.).

В Париже работает в настоящее время три семинара по вышеуказанной программе. Руководители семинаров дадут все нужные справки и советы тем, кто к ним обратится через одну из наших редакций. Возможно и заочное участие в общей работе.

3.

Прибалтийские и Дальневосточные соратники отстали в отношении доставки вырезок из повременной печати (о пореволюционном движении и рецензии на 3-ю книгу «Утверждений»). До сих пор неизвестно, во все ли органы печати книги были доставлены для отзыва.

4.

Мы ждем для «Завтра»: краткие, но четкие идеологические статьи, заметки о тактике и по вопросам самокритики; корреспонденции с мест; освещение родственных нам политических направлений. От всех, проживающих вблизи России — ждем бе-

сед с людьми «оттуда» и всесторонней информации. Всю переписку направлять на Редакции.

5.

В тех местах, где пореволюционные группировки еще не дозрели до согласования своих действий и здорового сотрудничества (хотя-бы в форме контактных комиссий) — создавать пореволюционные клубы, по образцу парижского.

6.

Югославия и юг Франции отстали в отношении сбора средств в издательский фонд. Напоминаем, что **каждый** утвержденец, каждый сочувствующий должен ежемесячно **регулярно** отчислять — пусть самую малую, но **определенную** сумму на общее дело. Эти взносы имеют не только практическое значение, позволяя увеличивать тираж изданий — они имеют еще большее **значение моральное.** Каждый молодой, воздерживающийся по нескольку раз или от обеда, или от посещения кинематографа, **каждый** студент, бросающий курить, чтобы справиться с ежемесячными отчислениями — **делает нечто большее,** чем членский взнос или простое пожертвование.

Центральное руководство расчитывает, что на местах ставки самообложения будут после 1-го января снова повышены и каждый по прежнему исполнит свой долг.

7.

Из разных стран поступают **известия об** образовании ячеек утвержденцев. **Горячо** приветствуем новых соратников.

Justification de tirage:
2.500 exemplaires.

Gérant : R. Goux.

Impr. de la Soc. Nouv. d'Ed. et d'Imprim.
32, *rue de Ménilmontant*, 32. **Paris** (20e)

От редакционной коллегии журнала „ЗАВТРА“

Ежемесячник утвержденцев будет выпускать в год шесть «открытых» номеров (нечетных), при тираже в 2.500 экз., и шесть «закрытых» (четных), в 300 экз.; последние будут посвящены заостренной постановке проблем пореволюционности и печататься «на правах рукописи», в дискуссионном порядке, давая место и широкой самокритике и «внутри-пореволюционной» полемике.

Выписывать четные номера могут лишь лица или уже включенные в утвержденческую сеть, или примыкающие к одной из местных пореволюционных группировок (через их посредство), — или-же, наконец, могущие сослаться на серьезную рекомендацию в пореволюционном лагере.

Пореволюционными признаны по сие время следующие течения: национал-максималисты, евразийцы, устряловцы, младороссы и новоградцы

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД:

Во Франции:

6 нечетных №№	12 фр.
3 нечетных №№	6 фр.
12 №№ (четных и нечетных)	40 фр.
6 №№ (четных и нечетных)	20 фр.

За границу:

6 нечетных №№	18 фр.
3 нечетных №№	9 фр.
12 №№ (четных и нечетных)	50 фр.
6 №№ (четных и нечетных)	25 фр.

Цена отдельного номера:
(во Франции и за-границей)

нечетные	по 3 фр.
четные	по 5 фр.

«УТВЕРЖДЕНИЯ» и «ЗАВТРА» можно выписывать **в Польше:** через Zofia Bochan-Sawinkova, Targowa 21. Wilno; **в Прибалтике:** через V. Gušŝik, Koidu 16. Tallinn (Reval). Esthonie.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: *G. SCHIRINSKY-SCHIKHMATOFF*, 29, Rue Barbès, Issy-les-Moulineaux (Seine). Проживающие во Франции могут пользоваться для денежных отправлений compte chèques postaux 1260-96, à diriger sur Paris.

Цена номера „ЗАВТРА“ — Три франка (в Париже 2 фр.)